

СРЕДНЕАЗІАТСКАЯ КУЛЬТУРА

И

НАША ПОЛИТИКА НА ВОСТОКЪ *.

Turkistan. Notes of journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara, and Kuldga. By Eugene Schuyler, Phil. Dr. Member of the American Geographical Society and of the Imperial Russian Geographical Society, etc. London. 1876 — Туркестанъ. Путевыя замѣтки о русскомъ Туркестанѣ, Коканѣ, Бухарѣ и Кульджѣ, Евгенія Скайлера.

Трудъ г. Скайлера не скоро утратитъ свое значеніе для тѣхъ, кто интересуется судьбами нашей политики въ Средней Азіи. Въ высшей степени наблюдательный умъ, вмѣстѣ съ основательными и точными свѣдѣніями въ политическихъ и экономическихъ наукахъ, выгодно отличаютъ г. Скайлера отъ толпы обыкновенныхъ путешественниковъ. Немаловажнымъ его преимуществомъ послужило и то обстоятельство, что, проживъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ въ качествѣ одного изъ представителей Соединенныхъ Штатовъ, онъ ознакомился съ нашею администраціею у самого ея источника, изучилъ очень удовлетворительно русскій языкъ, и это обстоятельство дало ему возможность узнать туркестанскія дѣла по русскимъ источникамъ и пріобрѣсть основательныя свѣдѣнія

* Объ этой статьѣ покойнаго Ю. А. Росселя упомянуто у насъ въ его некрологѣ. Она была послѣднимъ трудомъ, написаннымъ до начала его тяжелой болѣзни, и печатаніе рукописи предназначалось въ первыхъ книгахъ нынѣшняго года, но потомъ было отложено въ надеждѣ на его выздоровленіе. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы повторить еще разъ высказанное не только нами, но и всѣми, знавшими покойнаго, сожалѣніе объ утратѣ нашею журналистикою писателя искреннихъ убѣжденій и приготовленнаго къ своей дѣятельности солиднымъ литературнымъ образованіемъ. — *Ред.*

отъ русскихъ ученыхъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Туркестанѣ. Съ особенною признательностью онъ отзывается о петербургскихъ профессорахъ: гг. Григорьевѣ, Захаровѣ и Лерхѣ, которые доказали «все ихъ терпѣніе и радушіе, открывъ ему доступъ къ ихъ собраніямъ матеріаловъ о Востока», и о военномъ министрѣ, который поручилъ топографическому департаменту снабдить автора двумя спеціальными картами Центральной Азіи, а также картою Кульджійской области; эти карты и приложены къ англійскому тексту книги. Однимъ словомъ, г. Скайлеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи все, что только можетъ имѣть путешественникъ для успѣха въ своихъ изысканіяхъ. Особенно въ Туркестанѣ онъ встрѣчалъ общее сочувствіе какъ со стороны русскихъ, такъ и туземцевъ-мусульманъ.

I.

Въ семнадцатомъ столѣтіи Россія, занятая своими внутренними смутами, хотя и страдала отъ сосѣдства съ Азіею, но не могла обратить всего своего вниманія на эту *officina gentium*. Тогда въ первый разъ явилась «Книга Великаго Обзорѣнія», изъ которой можно было получить свѣдѣнія о государствахъ средней Азіи, существовавшихъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ. Еще болѣе замѣчательный трудъ голландскаго писателя Витсена достигъ Россіи и изумилъ какъ ее, такъ и всю Европу въ концѣ семнадцатаго столѣтія; въ этомъ сочиненіи собраны всѣ знанія того времени о центральной и сѣверной Азіи. Московскіе государи узнали, что имъ слѣдуетъ несть обаяніе своего могущества и необъятнаго пространства въ самые отдаленные страны мусульманскаго Востока. Они рѣшились вмѣстѣ съ тѣмъ оказать охрану на восточной границѣ Россіи отъ грабительскихъ нападеній ближайшихъ кочевыхъ населеній. Наконецъ, они признали своимъ долгомъ заботиться о русскихъ торговыхъ интересахъ, не забывая вмѣстѣ съ тѣмъ спасать православныхъ христіанъ изъ мусульманскихъ рукъ, посредствомъ выкупа, какъ это дѣлали тогда и европейскія государства.

Своимъ девизомъ не только съ азіатами, но и европейцами, московскіе цари и земскіе люди приняли, что если мы хотимъ, чтобы насъ уважали, то прежде всего мы должны уважать себя. Еще при Василіѣ III прибыло посольство въ Москву отъ афганскаго султана Бабера, который въ то время основалъ могущественную и богатую монархію въ Индіи. Извѣстіе объ этомъ тогда еще не успѣло дойти до царя. Съ соблюденіемъ всѣхъ

приличій и согласившись на взаимную свободу торговли, которой Баберъ желалъ, царь, когда стали писать документъ, приказалъ однако не писать слова: «брату», въ титулѣ Бабера, такъ какъ онъ не зналъ, кто такой былъ Баберъ, — государь ли, или только вассалъ индійскаго государства.

Ногаи, лагери которыхъ протянулись по восточной границѣ Россіи, отъ Каспійскаго моря къ Сибири, считались въ XVI столѣтіи русскими царями опаснѣйшими сосѣдями. Несмотря на то, Иванъ-Грозный не позволилъ Измаилу, хотя онъ былъ весьма хорошимъ союзникомъ Россіи и хотя русскіе цѣнили его дружбу, назвать ни самого себя въ документахъ (какъ желалъ Измаиль, согласно съ старымъ обычаемъ), ни его отца, ни его брата, признавая оба заявленія поношеніемъ достоинству царя русской земли. Въ 1589 году, когда знаменитый Абдуллахъ, ханъ Бухары послалъ посла съ письмомъ къ царю Ѳеодору Ивановичу, письмо принято не было, потому что писано безъ царскихъ титуловъ; и, по повелѣнію царя, бояринъ Годуновъ отвѣчалъ Абдуллаху, что всѣ государи пишутъ его царскому величеству съ должнымъ уваженіемъ, а его боярину съ любовью и вѣжливостью. Годуновъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣщалъ хана, что если царь не предастъ его посла опалѣ, то только вслѣдствіе его вмѣшательства вмѣстѣ съ другими боярами, и Годуновъ предлагалъ хану загладить нанесенное оскорбленіе, обѣщая ему употребить всѣ свои усилія, чтобы установившіяся отношенія не были прерваны.

Извѣстно также, что въ той небольшой Россіи 1620 года, только-что исцѣлившейся отъ безпорядковъ «смутныхъ временъ», юный царь Михаилъ Ѳеодоровичъ послалъ Хохлова, въ качествѣ посла, въ Бухару, строго приказывая ему не давать никакихъ подарковъ, если будутъ спрашивать передъ пріемомъ хана; также, если при обѣдѣ у хана будутъ посланники другихъ державъ (тамъ могли случиться посолъ изъ Персіи, отъ индійскаго царства Бабера или отъ османлійскихъ султановъ), то требовать, чтобы ему, русскому посланнику, дали первое мѣсто надъ другими, и если въ этомъ удовлетворенія не будетъ, то не обѣдать. Первый русскій посланникъ въ Китай, сынъ боярскій Байковъ, посланный туда въ 1654 году, не былъ принятъ императоромъ, потому что Байковъ не согласился подвергнуться безобразнымъ церемоніямъ, которыя были обязательными для всѣхъ иностранныхъ пословъ, изъ какаго бы мѣста они ни прибыли. При русскомъ дворѣ въ пріемѣ пословъ отъ правителей центральной Азіи строго соблюдался обычай, что обращеніе съ послами должно быть соразмѣрно съ политическимъ вѣсомъ ихъ повелителей; обыкновенно назначались

на эти приемы чиновники низшихъ степеней, которымъ приказывали пускаться въ разныя восхваленія, чтобы возбуждать чрезъ иностранныхъ пословъ высокое понятіе о насъ за-границею. Такъ, на примѣръ, въ инструкціяхъ Новосильцеву, который былъ посланъ въ 1585 году въ качествѣ посланника царя Ѳедора Ивановича къ императору Рудольфу, было приказано сказать относительно нашихъ азіатскихъ отношеній, что «государи, живущіе вдоль границъ нашей страны: ханъ Кызыль-башъ, бухаранскій царь, туркестанскій царь, казакскій царь, Ургентшъ царь, и георгіанскій, изіуріанскій, калмыкскій, шемаканскій и шенкальскій правители, что всѣ они теперь находятся въ мирѣ съ Кызыль-башемъ и между собою, согласно съ русскими предписаніями и совѣтами русскаго государя, и что всѣ они во всѣхъ своихъ важныхъ дѣлахъ, въ которыхъ можетъ возникнуть дружба или вражда, они пишутъ нашему царю» — и т. д.

Что касается до второго пункта, объ уничтоженіи набѣговъ на русскія поселенія со стороны сосѣднихъ кочевыхъ племенъ, то объ этомъ въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ столѣтіяхъ знали очень хорошо, что это дѣло невозможно для центрального правительства, и потому московскія власти предоставляли его пограничнымъ начальникамъ. Единственнымъ исключеніемъ изъ этого правила было устройство для защиты русскихъ заселеній на лѣвомъ берегу рѣки Камы, противъ башкиръ, киргизъ и калмыковъ отъ Бѣлаго-Яра на Волгѣ до рѣки Икѣ за Мензелинскомъ; эта линія называлась Камскою. Такое положеніе вещей вызвало происхожденіе казаковъ на Волгѣ, Уралѣ и Терекѣ, которые служили заставою Московскаго царства отъ грабежей кочевниковъ, а иногда и сами казаки дѣлали огромные набѣги на осѣдлыя государства центральной Азіи; яицкіе (теперь уральскіе) казаки не разъ забирались въ Хиву. Имя казака сдѣлалось въ центральной Азіи ужаснымъ уже въ шестнадцатомъ столѣтіи.

Московскіе цари особенно любили такихъ отважныхъ людей, которые входили въ коммерческія отношенія съ центральной Азіею. Когда Казань и Астрахань перешли въ руки Ивана Грознаго, тогда послы правителей Самарканда, Бухары и другихъ центровъ центральной Азіи пріѣхали въ Москву просить о свободной дорогѣ для гостей, и дѣйствительно цари устроили такія дороги, и уже въ семнадцатомъ вѣкѣ они стали посылать своихъ представителей въ государства центральной Азіи, и тогда уже началась караванная торговля русскихъ купцовъ и освобожденіе русскихъ плѣнныхъ изъ азіатскаго плѣна посредствомъ денежнаго выкупа. Въ концѣ московскаго періода, Россія пришла

въ соприкосновеніе съ Китаемъ вслѣдствіе успѣховъ сибирскихъ казаковъ на Амурѣ, что сильно беспокоило китайское правительство. Для учрежденія правильныхъ торговыхъ отношеній царь Алексѣй Михайловичъ послалъ въ 1654 году посольство въ Пекинъ; за этимъ неудачнымъ посольствомъ были посланы и другія, но всѣ они не имѣли никакого успѣха.

Петръ Великій отличается во всемъ и отъ предшественниковъ, и отъ преемниковъ: это видно и изъ его разсужденій о центральной Азіи. У него не было никакого стремленія къ завоеваніямъ въ азіатскихъ земляхъ; онъ увлекался совершенно другими идеями. Онъ хотѣлъ устроить русской торговлѣ дорогу черезъ степи къ сокровищамъ Индіи, о которыхъ онъ слышалъ отъ своихъ голландскихъ друзей; они ему рассказывали, какъ они сами и другія западныя европейскія націи путемъ моря достигали Индіи и тамъ обогащались. Подъ вліяніемъ другого разсказа о томъ, что близъ города Иркеть (вѣроятно, Ярканда) найдены массы золота въ рѣкѣ, и что эта мѣстность находится во владѣніяхъ калмыцкаго князя, лежащихъ къ югу отъ Сибири и къ востоку отъ Бухары, Петръ Великій задумалъ планъ для проведенія дороги къ Иркету посредствомъ солдатскихъ работъ военной экспедиціи, которая имѣла своею цѣлью не завоеваніе страны, по которой должна идти дорога, но исключительно одно развитіе торговыхъ сношеній. Оттуда онъ надѣялся провести дорогу въ Бухару и далѣе—до самой Индіи. Всѣ эти замыслы Петра были основаны на тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыя онъ вычиталъ изъ замѣчательнаго сочиненія Витсена, основаннаго на китайскихъ источникахъ и на другихъ, которые были извѣстны въ Европѣ, и гдѣ было множество фактовъ о дорогахъ и государствахъ, и о политической жизни центральной Азіи. Важнымъ событіемъ для этихъ соображеній Петра послужилъ пріѣздъ посольства отъ хивинскаго хана въ 1703 году, съ предложеніемъ подчиненія Россіи. Петръ зналъ все, что дѣлается въ Хивѣ и Бухарѣ; появленіе хивинскаго посольства убѣдило его, что эти государства невелики и слабы, и что ихъ правители не имѣютъ сильной власти, а зависятъ отъ множества другихъ еще болѣе слабыхъ владѣльцевъ, что поэтому съ 5,000-мъ отрядомъ можно упрочиться и въ Хивѣ, и въ Бухарѣ. Завоевавъ такимъ образомъ Хиву и Бухару, слѣдуетъ оставить въ ней стражу и потомъ съ остальными войсками открыть дорогу въ Иркеть и въ Индію, и послать туда русскіе караваны. Планъ этотъ въ тѣ времена былъ не рискованный, но, къ сожалѣнію, Петръ выбралъ для этой цѣли неспособнаго вождя, князя Бековича-Черкаскаго. Петръ

полагалъ, какъ думали всѣ въ его время, что съ азіатами надо дѣйствовать непремѣнно хитростью. Такъ полагалъ и Черкасскій, иначе онъ дѣйствовалъ бы съ ними прямо и энергично, и могъ бы достичь своей цѣли.

Князь Бековичъ предпринялъ свою экспедицію съ большими предосторожностями. Онъ три года съ-ряду изучалъ восточный берегъ Каспійскаго моря и устраивалъ различныя укрѣпленныя позиціи. Въ іюнѣ 1717 года, онъ двинулся въ степь къ Хивѣ съ арміею въ 3,500 человѣкъ, съ 6 пушками и съ 200 верблюдовъ и 300 лошадей. Только когда онъ подошелъ на 125 верстъ отъ Хивы по берегу Аму-Дарьи, онъ далъ хивинцамъ рѣшительное сраженіе, которое продолжалось три дня и окончилось полнымъ пораженіемъ непріятеля. Ханъ самъ сдался вполне на милосердіе русскихъ и предложилъ князю идти и занять Хиву, раздѣливъ свою армію на нѣсколько отрядовъ для болѣе удобнаго прокормленія ихъ. Бековичъ повѣрилъ имъ, но когда отдѣльные отряды отошли въ степь, ихъ всѣхъ перебили по одиночкѣ и голову Бековича послали въ подарокъ эмиру Бухары, который, однако, не рѣшился принять ее. Петръ Великій посылалъ въ Хиву своего посла еще разъ въ 1725 году; это посольство взялъ на себя итальянецъ Флоріо Беневени, онъ достигъ Хивы, и тамъ его приняли съ большимъ почетомъ, но этотъ пріемъ совершился въ то время, когда Петра Великаго уже не стало.

Другая экспедиція Петра, отправленная изъ Tobольска въ Иркутскъ подъ начальствомъ капитана Бухгольца, хотя не достигла своей цѣли, потому что эта цѣль оказалась недостижимою, но за то экспедиція, дойдя до Иртыша, положила тамъ твердое основаніе русскому могуществу. Петръ Великій понималъ всю важность идеи о переведеніи Аму-Дарьи въ старое русло Каспійскаго моря. Въ политикѣ съ Китаемъ Петръ слѣдовалъ недальновидной политикѣ московскихъ царей, но въ концѣ своего царствованія, въ 1722 году, онъ послалъ капитана Унковскаго, какъ посла къ калмыцкому государю, Тасваку-Рабдану, чтобы изучить въ точности положеніе Джунгаріи. Петръ хотѣлъ узнать, въ какомъ положеніи находится Джунгарія, чтобы составить себѣ правильное понятіе о борьбѣ между манджурами, которые въ это время овладѣли китайскимъ престоломъ, и калмыками. Взявъ сторону Джунгаріи, Петръ надѣялся побудить пекинскій дворъ къ большимъ уступкамъ въ пользу русской торговли и для учрежденія консульства въ Пекинѣ.

По смерти Петра, эта идея никогда не приходила въ го-

лову его преемникамъ XVIII вѣка. Такимъ образомъ, Джунгарія была совершенно уничтожена манджурскими войсками китайскаго императора Кіень-Лонь, а неутомимый калмыцкій вождь Амуркана принужденъ былъ бѣжать въ Сибирь, гдѣ онъ вскорѣ умеръ отъ оспы, и сибирскія власти, чтобы удостовѣрить пекинскій дворъ въ дѣйствительности смерти Амурканы, посылали два раза тѣло несчастнаго калмыцкаго героя пограничнымъ чиновникамъ Китая.

Такимъ образомъ, наша торговля съ Китаемъ приняла униженный характеръ передъ китайскими властями и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалась невыгодною и въ экономическомъ отношеніи. Русскіе товары почти постоянно продавались китайцамъ по цѣнамъ, которыя не оплачивали настоящей торговой стоимости товара, а за китайскіе товары русскіе платили втрое. Причины этого явленія заключались въ томъ, что русскіе купцы, вслѣдствіе своего ненормальнаго положенія, не могли установить у себя никакого единства, между тѣмъ какъ китайскіе купцы, сосредоточенные вмѣстѣ въ своемъ же городѣ, легко составляли стачку противъ русскихъ купцовъ, изъ которыхъ иные поддавались китайскимъ вліяніямъ и служили китайцамъ предателями интересовъ русской торговли. Русскія власти тоже уживались съ китайцами и прижимали своихъ въ желаніи услужить китайскимъ купцамъ, которые давали имъ взятки. Вся торговля, такимъ образомъ, обратилась въ монополію весьма небольшого числа крупныхъ и мелкихъ торговцевъ, лишенныхъ всякаго патріотическаго чувства. Невѣжество русскихъ пограничныхъ чиновниковъ, которые являлись изъ Петербурга по протекціи какого-нибудь сановника, было весьма замѣчательное по всѣмъ дѣламъ, къ которымъ они прикасались. Русскіе дипломаты оказались до того безсильными, что по нерчинскому трактату, утвержденному въ Буринскѣ въ 1727 году, трактатъ этотъ лишилъ Россію всего лѣваго берега Амура, который никогда не принадлежалъ китайцамъ, и, разъ попавшись имъ въ руки, сталъ непреодолимымъ препятствіемъ плаванія по Амуру къ Тихому океану, и такое препятствіе существовало 150 лѣтъ, пока въ наше время не было положено конца этой несправедливости. Другая особенность политики XVIII-го вѣка состоитъ въ томъ, что русская торговля съ Китаемъ была ограничена однимъ городомъ Кяхтою. Только одну привилегію Китай далъ Россіи, это—имѣть духовную миссію въ Пекинѣ, но и эта миссія была введена подъ условіемъ служить исключительно наслѣдникамъ тѣхъ плѣнныхъ русскихъ, которыхъ взяли

манджурскія войска при взятіи Албазина. Но миссія нашла этихъ албазинцевъ вполне превращенными въ китайцевъ.

Такъ же шли дѣла въ восемнадцатомъ столѣтіи и на Заволжьи. Петръ Великій сказалъ о киргизахъ: «эта орда, хотя кочевая и состоитъ изъ легкомысленнаго народа, — но это ключъ и ворота во всѣ земли и страны Азіи». Въ 1734 году, императрица Анна Ивановна заключила союзъ съ Абуль-Каиромъ, который привелъ киргизовъ еще при Петрѣ Великомъ къ Уралу, гоня передъ собою башкировъ на ту сторону Урала. Киргизы расположились на всемъ огромномъ пространствѣ отъ озера Балкаша и чрезъ всѣ степи около Аральскаго озера и сѣвернаго берега Каспійскаго, въ огромной зеленой степи Кара-Кумъ и на всемъ пространствѣ отъ Урала до Балкаша и Сыръ-Дарьи; они заходили и за Сыръ-Дарью и до самой Хивы, съ обѣихъ сторонъ Аральскаго озера.

Абуль-Каиръ обратился къ русскимъ, предлагалъ имъ взять киргизъ-кайсаковъ подъ свое покровительство, и обѣщалъ имъ, что если его признаютъ ханомъ киргизовъ съ наследственными правами, то онъ обезпечитъ ихъ границы и будетъ охранять русскіе караваны. Русскіе согласились, но ихъ довѣріе къ Абуль-Каиру шло слишкомъ далеко. Русскія пограничныя власти, которыя согласились на этотъ договоръ, не знали, что у киргизовъ существуетъ принципъ свободного выбора «батырей», и что они весьма часто пользовались этимъ правомъ, выбирая своихъ правителей или за то, что они чѣмъ-либо отличились въ какихъ-нибудь большихъ предпріятіяхъ грабежнаго характера у сосѣднихъ народовъ, или принадлежали къ извѣстнымъ фамиліямъ, которыя они почитали за ихъ древность, но всегда требовали отъ нихъ и геройскихъ подвиговъ.

Этихъ же самыхъ людей они называли «бѣлою костью», но подъ этимъ названіемъ не слѣдовало понимать ничего особеннаго. Между тѣмъ, русскія власти вывели отсюда, что киргизы аристократическій народъ. Киргизы только уважаютъ тѣхъ, кто отличается замѣчательною храбростью, смѣлостью и отвагою, они воспѣваютъ ихъ въ своихъ пѣсняхъ и никогда не забываютъ такіа имени, какъ Сырымъ, Арунхази и Кенисаръ, — эти имена вызываютъ въ каждомъ киргизѣ самыя восторженные воспоминанія. Но Абуль-Каиръ, хотя и отличался своими качествами въ своемъ народѣ и они признавали его своимъ предводителемъ, но все это уваженіе кончалось имъ самимъ. Не стало Абуль-Каира, и киргизы стали создавать себѣ другихъ героевъ. Но русскія власти не понимали этого. Въмѣсто того, чтобы

ждать, кого сами киргизы примутъ, они стали назначать людей, которые выдавали себя за потомковъ-Абуль-Каира. Изъ этого недоразумѣнія вышло слѣдующее: русскіе начальники посылали туда разныхъ хановъ и султановъ, но всѣ султаны и ханы постоянно возвращались назадъ и потомъ жили на русскій счетъ въ пограничныхъ фортахъ.

Невѣжество русскихъ пограничныхъ властей относительно внутренняго быта киргизовъ имѣло большое вліяніе на религіозный бытъ послѣднихъ. Увлекаясь ломанымъ татарскимъ языкомъ, на которомъ говорятъ киргизы, русскіе генералы, управлявшіе Оренбургскимъ краемъ, задумали способствовать пропагандѣ магометанской вѣры среди киргизскаго населенія. Но киргизы, какъ оказалось послѣ, не имѣли никакихъ понятій о магометанскомъ ученіи; они и до сихъ поръ вѣрятъ разнымъ суевѣрнымъ преданіямъ, которыя ими приняты изъ шаманизма; у нихъ не было духовенства, они и теперь только въ рѣдкихъ случаяхъ читаютъ какія-то молитвы. Когда ихъ спрашиваютъ, какой они вѣры, они отвѣчаютъ: «мы не знаемъ»—и лучшаго отвѣта отъ нихъ и желать бы не надо, но русскія власти не могли никакъ обойтись безъ того, чтобы не устроить какой-нибудь религіи. Они стали назначать хановъ и султановъ, а эти ханы и султаны выбирались ими изъ настоящихъ татаръ, и вотъ главная причина, почему русскіе стали въ своихъ фортахъ, гдѣ они содержали хановъ и султановъ, строить магометанскія мечети и давать жалованье разнымъ татарскимъ мулламъ; чѣмъ ближе были эти мѣстности къ русской границѣ, тѣмъ больше разные мусульманскія понятія распространялись между киргизами, и такимъ образомъ у нихъ явился, наконецъ, и мусульманскій обрядъ обрѣзанія. Между тѣмъ, киргизы просто шаманисты, и могли бы быть обращены прямо въ христіанскую вѣру. Въ царствованіе императора Александра I, когда мистицизмъ и религіозный фанатизмъ процвѣталъ въ русскомъ обществѣ, въ Иркутскъ, Астрахань и Оренбургъ явились англійскіе и шотландскіе миссіонеры; они завели тамъ у киргизовъ свои колоніи и проповѣдывали протестантизмъ съ большимъ успѣхомъ. Въ оренбургской губерніи и теперь вспоминаютъ съ восторгомъ имя англійскаго миссіонера Фрэзера, прогнаннаго оттуда русскими властями по наущеніямъ русскаго духовенства. И теперь Скайлеръ нашелъ въ Оренбургѣ тотъ домъ, въ которомъ жилъ Фрэзеръ и который называется «англійскимъ домомъ».

Никто, можно сказать, такъ усердно не занимался пропагандою магометанства среди киргизовъ, какъ императрица Екатерина II. Чтобы поддерживать торговые сношенія съ Бухарою и

Хивую, она пожертвовала 40,000 рублей на устройство въ городѣ Бухарѣ одной изъ лучшихъ магометанскихъ школъ. Относительно киргизовъ она высказывала очень хорошія намѣренія, но, къ сожалѣнію, всѣ ея преобразованія имѣли идиллическій характеръ тогдашней Европы и отличались сильно бюрократическимъ духомъ. Въ петербургскихъ кружкахъ въ то время на киргизовъ смотрѣли какъ на простодушныхъ, грубыхъ пастуховъ, которые не ѣдятъ чернаго хлѣба потому, что не знаютъ вкуса его; не пахутъ полей потому, что не знаютъ, какъ это дѣлается; не сохраняютъ своего скота отъ гибели во время бурь потому, что не знаютъ о существованіи сараевъ; морозятъ себя зимою въ своихъ войлочныхъ шатрахъ потому, что незнакомы съ плотническимъ ремесломъ; если иногда занимаются грабежомъ, то только потому, что они принуждены къ этому несправедливостью и угнетеніями всякаго рода, которыя они терпятъ отъ казаковъ и отъ русскаго населенія, живущаго на уральской и иртышской линіяхъ. Всѣ эти ложные выводы дѣйствительно примѣнялись въ киргизскихъ степяхъ, но, разумѣется, безуспѣшно. Странно только то, что и въ наше время, на нашихъ глазахъ, въ девятнадцатомъ столѣтіи и даже во второй половинѣ его, повторяется та же самая исторія съ башкирами, когда ихъ переписали изъ кочевниковъ въ осѣдлые люди. Туда было послано множество плуговъ изъ Москвы, и такъ какъ эти плуги прибыли на мѣсто въ началѣ зимы, башкиръ заставили работать плугами по степямъ, покрытымъ снѣгомъ; они, дѣйствительно, выучились употреблять плугъ, но они не понимаютъ цѣли этихъ работъ.

При Екатеринѣ II тамъ вводили также «Уставъ о губернскихъ учрежденіяхъ», создавали «пограничный судъ», въ которыхъ сажали судьями киргизовъ и русскихъ вмѣстѣ; этому суду подчинялись въ степи второстепенные суды, въ которыхъ всѣ судьи были безграмотные киргизы, съ секретарями изъ татарскихъ муллъ, которымъ поручали, чтобы судъ руководился постановленіями «Устава губерній». Этимъ же мулламъ приказывали отмѣчать всѣ бумаги и документы, и переписывать ихъ въ особые журналы, дѣлать изъ нихъ выписки или извлеченія, составлять протоколы и регистры, записывать часы, когда происходили собранія, ставить вопросы на преніяхъ и составлять отчеты, сообщенія, приказы и т. п. бумаги тогдашняго русскаго судопроизводства. Люди, избираемые въ эти должности, должны давать присягу, и получаютъ довольно значительное жалованье деньгами и зерновымъ хлѣбомъ. Имъ строили также школы, отдавать въ которыя дѣтей зазывали родителей разными подарками

и свидѣтельствами о хорошемъ поведеніи и т. п. Но все это оказалось безплоднымъ, какъ безплодна была мѣра, которая запрещала посылать въ степи вооруженныя команды для отысканія киргизскихъ мародеровъ. Простота киргизовъ оказалась миражемъ, и съ полудикими народами нельзя обращаться какъ съ дѣтьми.

Въ 1786 году ханъ малой киргизской орды, Нурали, былъ изгнанъ народомъ, послѣ царствованія, продолжавшагося 37 лѣтъ, и умеръ послѣ въ Уфѣ. Сперва наше правительство, въ изумленіи отъ этого факта, хотѣло не назначать наслѣдника, но прошло пять лѣтъ, и императрица назначила Ирали, сына Надали, ханомъ всей малой орды, и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, произошла та же непріятная перемѣна. Только при Александрѣ I были, наконецъ, уничтожены ханы, сперва въ Сибири — а потомъ въ Оренбургскихъ степяхъ. Управление народомъ въ обѣихъ мѣстностяхъ было ввѣрено киргизу, избранному русскимъ правительствомъ, съ личнымъ участіемъ или только подъ наблюденіемъ русскихъ чиновныхъ лицъ. Вслѣдствіе этого рѣшенія, въ частяхъ киргизскихъ степей, ближайшихъ къ Иртышу, появились русскія казачкія деревни, которыя стали административными центрами съ 1824 года. Въ то же самое время сдѣлано было топографическое обозрѣніе киргизскихъ степей: мѣра, повидимому, неимѣющая ничего общаго съ политикою и киргизскою администраціею, но въ дѣйствительности она оказалась самымъ важнымъ дѣломъ и для политики, и для администраціи. Правда, что еще въ 1833 году, несмотря на большое распространеніе казачьихъ поселеній, все-таки удалось султану Кенисару Касимову произвести бунты, которые продолжались шесть лѣтъ сряду въ разныхъ мѣстахъ, пока, наконецъ, Касимовъ не сталъ искать убѣжища на землѣ кара-киргизовъ, гдѣ онъ былъ убитъ въ войнѣ съ ними въ 1845 году. Около этого времени оренбургскій генералъ-губернаторъ, Обручевъ, устроилъ форты съ сильными гарнизонами: Копаль и Вѣрное, въ самой степи. Только съ этого времени киргизы прекращаютъ свои нападенія на русскіе караваны, дѣлаются болѣе мирными обывателями и начинаютъ ближе знакомиться съ русскими поселенцами.

Въ 1769 году малая орда была раздѣлена на два округа: Уральскій и Тургайскій. Каждый изъ нихъ былъ поставленъ подъ власть военнаго губернатора, окружныхъ начальниковъ и волостныхъ или аулскихъ старшинъ, выбираемыхъ жителями. Средняя орда подошла подъ покровительство Россіи въ 1781 г., послѣ смерти отважнаго султана Аблая, который искусно лицемѣ-

рилъ передъ Россією и Китаемъ, и такимъ образомъ удерживалъ за собою полную независимость въ управленіи народомъ. Большая орда присягала на подданство въ прошломъ вѣкѣ, но только съ 1845—47 года стала въ полное подчиненіе Россіи и перестала платить дань Ташкенту и Кокану, отъ которыхъ она прежде зависѣла. Всѣ три орды стали платить налоги и пользоваться русскою помощью отъ нападеній среднеазиатскихъ правителей. Форты, которые настроили коканцы противъ киргизовъ, были разрушены русскими войсками; послѣдній изъ нихъ, самый сильный, Ак-Машидъ, защищался въ продолженіи 25-ти дней Якубъ-Беконъ, который потомъ сдѣлался эмиромъ кашгарскимъ. Фортъ Ак-Машидъ былъ сдѣланъ изъ земли, но не могъ выдержать пальбы изъ русскихъ пушекъ полковника Перовскаго. Въ честь побѣдителя этотъ фортъ названъ Перовскимъ и представляетъ теперь настоящую крѣпость. Это первый шагъ къ завоеванію Туркестана.

Болѣе серьезное изученіе государствъ средней Азіи началось во времена Екатерины II. Въ 1792 году, Бурнашевъ и Поспѣловъ были посланы на изученіе странъ, лежащихъ по берегамъ рѣкъ Сыръ и Аму (слово «дарія» значитъ «рѣка»). Вернувшись назадъ, они привезли съ собою весьма интересныя свѣдѣнія о бухарскихъ и ташкентскихъ владѣніяхъ. Въ 1819—20 гг. опять послали Муравьева, Мейендорфа и Эверсмана, въ Хиву и Бухару, въ качествѣ пословъ для торговыхъ переговоровъ и какъ путешественниковъ для изученія этихъ странъ. Переговоры ни къ чему не привели, но за то Россія и Европа обогатились превосходными сочиненіями о центральной Азіи. Въ 1842 году хивинцы ограбили наши караваны; по этому поводу опять послали въ Хиву пословъ, Данилевскаго и Базинера. Настоящая цѣль путешествія не удалась, но всѣхъ русскихъ, захваченныхъ туркменами и хивинскими киргизами, послы успѣли выкупить; важнѣйшій результатъ состоялъ и на этотъ разъ въ собираніи новыхъ свѣдѣній о рѣкѣ Аму. Въ томъ же году, воспользовавшись просьбою бухарскаго эмира, чтобы ему прислали ученыхъ офицеровъ и горныхъ инженеровъ, умѣющихъ отыскивать золото, мы отправили въ Бухару Ханыкова, Лемана и Бутеньева. Въ этомъ путешествіи имъ удалось побывать въ Самаркандѣ и другихъ городахъ ханства, которые до сихъ поръ оставались неизвѣстными для Европы, и, сверхъ того, они сдѣлали много ученыхъ изслѣдованій. Но бывали и путешествія совершенно безплодныя: посылка Путимцева въ Джунгарію въ 1811, и Назарова въ 1814.

Караванная наша торговля шла до послѣдняго времени весьма плохо. Въ 1824 году былъ посланъ караванъ съ военнымъ конвоемъ, но неудачно; караванъ былъ разграбленъ, несмотря на конвой. Другой попытки не было. До самаго послѣдняго времени, до завоеванія Хивы въ 1873 году и Кокана въ 1875 году, когда туркестанское управленіе написало самыя строгія предписанія въ торговыхъ отношеніяхъ для Бухары и Хивы, и установило русскую власть въ Коканѣ, русская торговля въ центральной Азіи встрѣчала постоянно разныя затрудненія. Русскіе купцы платили двойныя таможенныя пошлины, и ихъ торговля была ограничена только главными городами и тѣми, которые встрѣчались по дорогѣ; они не имѣли никакихъ защитниковъ со стороны русскаго правительства. Имъ приходилось давать подарки и хану, и высшимъ чиновникамъ, и даже разнымъ низшимъ начальствамъ. Имъ необходимо было содержать переводчика изъ муллъ, на честность которыхъ не всегда можно положиться. Между тѣмъ, русскія власти, напротивъ, давали полную льготу средне-азіатскимъ купцамъ. Въ Россіи каждому бухарцу, коканцу, хивинцу, будь онъ купцомъ, будь онъ просто бухарцемъ, всѣ города и всѣ деревни открыты, въ городахъ онъ можетъ жить, гдѣ хочетъ, потому что для магометанъ у насъ нѣтъ особенныхъ кварталовъ. Таможенныхъ пошлинъ съ азіатовъ берутъ столько же, сколько и съ европейцевъ; за право торговли въ Россіи онъ платитъ столько же, сколько и русскій купецъ. За свои товары онъ можетъ, при отсутствіи конкуренціи, ставить наиболѣе выгодныя цѣны. Онъ можетъ возить съ собою русскіе товары и покупать ихъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они дешевле. Однимъ словомъ, онъ имѣетъ въ Россіи гораздо болѣе удобствъ, чѣмъ у себя дома. Только страхъ военной силы, наконецъ, заставляетъ азіата придти къ новому порядку, но и теперь туркестанскому управленію слѣдовало бы зорко смотрѣть на тѣ государства, гдѣ оставлена независимость хановъ: тамъ, до самаго послѣдняго времени, существовала торговля персидскими дѣтьми, какъ это свидѣтельствуешь г. Скайлеръ, въ Бухарѣ, до 1873 года. Въ этомъ же году найдены въ Хивѣ не персы только, а и русскіе плѣнники.

Въ заключеніе нашего краткаго обзора отношеній Россіи къ Средней Азіи приведемъ трактатъ о мирѣ, заключенномъ генераль-губернаторомъ Туркестана, Кауфманомъ, съ хивинскимъ ханомъ, главныя условія котораго состоятъ въ слѣдующемъ: ханъ признаетъ себя вѣрнымъ слугою Императора Россіи и отказывается отъ всѣхъ прямыхъ дружественныхъ сообщеній съ сосѣд-

ними государями и ханами, отъ заключенія какихъ-либо трактатовъ съ ними, отъ принятія обязательствъ для предпріятія военной экспедиціи безъ знанія и согласія русскихъ властей. Граница обѣихъ странъ будетъ Аму-Дарья, начиная отъ ея самаго западнаго рукава, втекающаго въ озеро Араль, и затѣмъ вдоль берега этого озера до мыса Ургу, и оттуда по южному скату Усть-Урта къ предположенному прежнему старому руслу Аму-Дарьи. Весь правый берегъ Аму-Дарьи и территорія на той сторонѣ, прежде принадлежавшая Хивѣ, присоединяется къ Россіи. Плаваніе по Аму-Дарьѣ исключительно отдается русскимъ лодкамъ, но хивинскія и бухарскія баржи могутъ имѣть право плаванія по спеціальному дозволенію русскихъ властей. Русскіе подданные имѣютъ право учреждать порты, факторіи и депо на лѣвомъ берегу, гдѣ бы они ни пожелали, и безопасность ихъ должна быть гарантирована ханомъ (и эмиромъ). Города и деревни ханства открыты русской торговлѣ, и русскіе купцы и караваны могутъ свободно путешествовать по странѣ. Русскіе купцы, торгующіе съ ханствомъ, избавлены отъ *зека* и всякой торговой пошлины, и будутъ пользоваться безмезднымъ транзитомъ своихъ товаровъ въ сосѣднія страны. Они могутъ также имѣть постоянныхъ агентовъ, пріобрѣтать земельную собственность и подлежать налогамъ только съ согласія русскихъ властей. Коммерческіе договоры между хивинцами и русскими будутъ строго уважаемы, и всѣ жалобы русскихъ противъ хивинцевъ будутъ тотчасъ разобраны и удовлетворены. Русскіе будутъ имѣть первенство надъ хивинцами въ опредѣленіи ихъ счетовъ. Жалобы хивинцевъ противъ русскихъ подданныхъ будутъ разсматриваемы ближайшими русскими властями. Если какое-нибудь лицо скажетъ, что оно явилось изъ Россіи, то, къ какой бы національности оно ни принадлежало, его не допускать безъ предьявленія правильнаго русскаго паспорта, а уголовныхъ преступниковъ немедленно возвращать. Невольничество отмѣнено навсегда.

Хивинскій трактатъ заключенъ въ августѣ мѣсяцѣ 1873 года, а бухарскій 28-го сентября того же года, но между ними есть большая разница. Въ бухарскомъ самъ эмиръ говоритъ о невольничествѣ, «что онъ дастъ строжайшіе наказы всѣмъ его бегамъ, и особый указъ будетъ посланъ во всѣ бухарскіе пограничные города, въ которые приводятъ невольниковъ изъ сосѣднихъ странъ для продажи бухарскимъ подданнымъ; что если, вмѣстѣ съ прекращеніемъ торговли невольниками, противно указу эмира, невольники будутъ приведены туда для продажи, то отнимать ихъ отъ владѣтелей и немедленно давать имъ свободу»... Изъ бухар-

скаго трактата далѣе видно, что бухарскій эмиръ получаетъ за свое содѣйствіе генералу Кауфману въ хивинскомъ походѣ ту полосу территоріи на правомъ берегу Аму-Дарьи отъ Кувертли до Мешекли и дальше до русской границы, которая отнята отъ Хивы... Что касается до правъ русскихъ купцовъ въ Бухаріи, они далеко не хивинскіе. Здѣсь нѣтъ русскаго суда, въ судѣ нѣтъ никакихъ привилегій для русскихъ купцовъ: они безусловно должны платить за свои товары, принадлежатъ ли они къ ввозу или вывозу, по $2\frac{1}{2}$ процента по цѣнѣ товара. Другихъ податей русскій купецъ никакихъ не платитъ; ему тоже все дозволяется, но только то, что касается до торговли, промышленности и покупки земли. О паспортѣ говорится то же. А о коммерческихъ обязательствахъ между русскими и бухарцами сказано только, «что эти обязательства должны считаться священными». Въ этомъ договорѣ нѣтъ также запрещенія о сношеніяхъ съ иностранными и сосѣдними государствами безъ дозволенія туркестанскаго управленія. Правда, бухарскому хану былъ данъ выговоръ, что онъ посылалъ нѣкоего Абдула-Гаи въ Константинополь просить о заступничествѣ у Турціи; на что эмиръ отвѣчалъ туркестанскому управленію, что онъ съ этихъ поръ формально обѣщаетъ отказаться отъ прямыхъ сношеній съ султаномъ. Въ бухарскомъ договорѣ есть еще одинъ пунктъ, котораго нѣтъ въ хивинскомъ, это — о политическихъ агентахъ. Трактатъ требуетъ, чтобы эмиръ прислалъ своего постоянного посла въ Ташкентъ, а генералъ Кауфманъ пришлетъ своего постоянного агента въ Бухару.

Относительно Китая русскія власти заключили въ 1851 году въ Кульджѣ торговый договоръ съ западнымъ Китаемъ о пути чрезъ Кульджу и Чугучакъ. Русскіе купцы, въ силу этого трактата, получили право строить свои лавки и распродажи въ Кульджѣ и Чугучакѣ. Въ 1853 русскими войсками были опять предприняты военныя операціи противъ китайцевъ; и Россіи, такимъ образомъ, уже въ наше время удалось кассировать нерчинскій трактатъ и открыть путь по Амуру въ Тихій Океанъ.

II.

Ближе всѣхъ къ намъ и по мѣсту жительства, и по постояннымъ сношеніямъ — киргизы, племя кочевое; оно раздѣляется на два отдѣльныхъ типа: киргизы (кайсацкіе) и кара-киргизы (черные) или буруты, — эти послѣдніе считаются настоя-

щими киргизами, горными, дико-каменными, и живутъ около озера Иссыкъ-Кула, въ семирѣченской области и въ гористыхъ кряжахъ Кокана. Киргизы кайсацкіе представляютъ уже смѣсь съ русскими казаками и съ разными монгольскими племенами: сами казаки — тоже смѣсь русской и татарской вольницы. Теперь киргизы живутъ и на Уралѣ, и въ зеленыхъ степяхъ Кара-Кума (чернаго песка) между Каспійскимъ моремъ и Аральскимъ озеромъ; они перекочевываютъ черезъ Сыръ-Дарью и доходятъ до Хивы къ югу. Въ своей зеленой степи они устроили орошеніе земли посредствомъ прорытія небольшихъ каналовъ, которые переливаютъ свои воды въ большой и глубокой каналъ. Этотъ фактъ показываетъ, что киргизскія семьи и роды живутъ въ своихъ степяхъ и зимою, имѣютъ уже нѣкоторый осѣдлый характеръ, а другіе и совсѣмъ не выѣзжаютъ изъ своей степи, — но большинство ихъ все-таки продолжаетъ перекочевывать на зиму изъ Кара-Кума черезъ Сыръ-Дарью.

Киргизы кайсацкіе говорятъ на одномъ изъ самыхъ чистыхъ нарѣчій татарскаго языка, хотя первоначальное племенное происхожденіе ихъ уже значительно измѣнилось, даже въ физическомъ отношеніи, присоединеніемъ многихъ иноземныхъ элементовъ, и въ особенности монгольскихъ. Дѣйствительное же ихъ происхожденіе слѣдуетъ вести отъ нѣсколькихъ турецкихъ племенъ и родовыхъ семействъ. Во второй половинѣ XV-го вѣка имъ надобно было монгольское иго, подъ которымъ они жили, и они послѣдовали за султаномъ Гиреемъ и Яни-Бекомъ селиться на новыхъ мѣстахъ около Балкашкаго озера; тутъ къ нимъ присоединились многіе казацкіе переселенцы, и все это соединилось въ огромное общество киргизъ-кайсацкое. Что ядро этихъ киргизовъ турецкаго происхожденія, это доказывается тѣмъ, что многія племена и семейства называются тѣми же именами, какими называется въ Коканѣ и Бухарѣ чисто турецкое племя узбековъ. Все болѣе и болѣе увеличиваясь въ числѣ, киргизы насчитывали у себя въ началѣ XVII-го столѣтія около милліона душъ и 300,000 воиновъ. Ихъ ханъ Теввекель въ 1598 году завоевалъ города и провинціи: Ташкентъ и Туркестанъ. Киргизская династія царила тамъ до половины XVIII вѣка; около этого времени киргизскій народъ раздѣлился на три орды: Ташкентъ и Туркестанъ сдѣлались среднею ордою; большая орда ушла на востокъ, въ Сибирь; а малая орда на западъ и сѣверъ. Это событіе служитъ признакомъ, что у нихъ произошло тогда политическое броженіе, что явилась причина къ отдѣленію другъ отъ друга. Правда, имъ постоянно приходилось бороться съ разными сосѣдями: съ калмыками на

юго-западѣ, съ сибирскими казаками на сѣверѣ, и съ ханомъ Джунгарскимъ на востокѣ; въ 1723 году хану Джунгаріи удалось занять даже городъ Туркестанъ, которымъ владѣли киргизы средней и малой орды. Покоряться джунгарцамъ они не захотѣли, и составили между собою союзъ подъ предводительствомъ весьма способнаго человѣка, хана Абуль-Каира. По его наущенію, киргизы согласились двинуться на западъ отъ Туркестана и соединиться съ русскими для своей защиты. Абуль-Каиръ вступилъ въ переговоры съ Петромъ Великимъ, но тотъ отказался подъ предлогомъ, что у киргизовъ мало единодушія. И дѣйствительно, они этимъ не отличались и вели постоянно между собою разныя распри, которыя кончались грабежами и жестокими войнами. Абуль-Каиръ задумалъ внести въ киргизскую жизнь большую прочность; это былъ человѣкъ самостоятельнаго характера, большой энтузіастъ, и разъ задумавъ большое дѣло, — онъ не отставалъ отъ него. Онъ еще прежде выгналъ джунгаръ изъ города Туркестана и пробылъ тамъ нѣсколько лѣтъ ханомъ; въ то же самое время онъ забрался съ удалыми изъ киргизовъ и туркомановъ въ Хиву и господствовалъ нѣсколько дней въ Хивѣ, но, узнавъ, что персидскій шахъ Надиръ идетъ на Хиву, онъ покинулъ ее и убѣдилъ киргизовъ идти на западъ съ цѣлью занять всѣ мѣста, гдѣ обитали башкиры.

✓ Число киргизовъ можно опредѣлить по итогу трехрублеваго сбора съ каждой кибитки, — всего около полутора милліона. Въ большой ордѣ, въ округѣ Алатаускомъ, въ Коканѣ, 100,000 обоего пола; въ средней ордѣ, занимающей всю южную Сибирь и страну къ сѣверу отъ Ташкентской провинціи — 406,000; а малая орда, расположенная между фортомъ Перовскимъ, Ураломъ и Каспійскимъ моремъ — 800,000. Есть еще одна орда: Букѣвская или внутренняя, живущая въ Европѣ между Ураломъ и Волгою, въ которой насчитано 150,000 душъ обоего пола; — эта орда была образована въ первые годъ нашего вѣка изъ 7,000 киргизовъ, приведенныхъ Букѣвымъ, внукомъ Абуль-Каира, который перешелъ Уралъ, чтобы занять землю, покинутую калмыками. Букѣвъ былъ утвержденъ ханомъ орды въ 1812 году.

Все богатство киргизовъ состоитъ въ стадахъ разнаго скота. Наблюденія 1869 года показали, что киргизы продали въ тотъ годъ на базарахъ Оренбурга и Троицка 1,150 верблюдовъ, 1,001 лошадь, 16,031 рогатаго скота, 273,823 овецъ на сумму 1.500,000 руб. Въ Петропавловскѣ, на сибирской границѣ, продажа скота съ 1856 г. до 1865 достигала до 340,000 руб., а продажа кожи и шкуръ на 400,000 руб. ежегодно. Въ настоя-

щее время кочевые переходы ограничиваются, по закону 1869 года, только границами каждаго аула или волости; главная причина общихъ движеній по степямъ состоитъ въ изысканіи новыхъ пастбищъ. По берегамъ Сыръ-Дарьи и въ степи Кара-Кумъ, гдѣ устроено орошеніе посредствомъ каналовъ, киргизы обрабатываютъ землю, но и до сихъ поръ въ большинствѣ киргизовъ встрѣчается презрѣніе къ земледѣльческому дѣлу. Однако стремленіе къ наживѣ среди киргизовъ, живущихъ въ сосѣдствѣ Ауліе-Ата и на сѣверномъ склонѣ Александровскаго хребта, возбуждаетъ ихъ къ соперничеству съ тамошними тюркскими поселянами-узбеками, засѣвать землю пшеницею: на тѣхъ мѣстахъ посѣвъ даетъ обыкновенно роскошные доходы.

Вообще говоря, кочевая жизнь приучаетъ людей къ беспечности и небрежливости. И киргизы дѣйствительно отличаются этими качествами: они могутъ оставаться безъ питья въ продолженіи цѣлаго дня, а безъ пищи въ продолженіи нѣсколькихъ дней, послѣ чего они опять обжираются до-нельзя. Главная пища у нихъ баранина, а по большимъ праздникамъ они наслаждаются кониною. Хлѣба вовсе нѣтъ,—онъ замѣняется похлебкою изъ проса; многіе киргизы не имѣютъ и этого по цѣлымъ годамъ. Для питья въ киргизскихъ степяхъ широко распространено употребленіе дешеваго чая, такъ-называемаго «кирпичнаго»: онъ дѣйствительно представляется сжатымъ въ форму небольшого кирпича. Національное питье у киргизовъ—кобылье молоко, приведенное въ броженіе, *кумысъ*, — производитъ на пьющаго возбуждающее дѣйствіе, но безъ опьяняющихъ свойствъ. Другое любимое питье киргизовъ — *бузъ*, это родъ пива, приготовляемаго изъ хлѣбныхъ зеренъ, которое не только опьяняетъ человѣка, но притупляетъ и умерщвляетъ чувства.

Киргизское племя, хотя и происходитъ изъ тюркской расы, но заключаетъ въ себѣ много монгольскаго. Киргизы бываютъ вообще небольшого роста, съ круглыми смуглыми лицами, большими носами, и съ узкими рѣзко черными глазами, съ плотно сдвигающимися вѣками, какъ это мы видимъ у всѣхъ монгольскихъ племенъ. Автократическій классъ у киргизовъ любитъ жениться непременно на калмычкахъ; купцы увозятъ ихъ изъ пограничнаго Китая или изъ астраханской степи. Какъ мусульмане, киргизы-мужчины брѣютъ свои головы и даютъ разрастаться бородѣ, хотя борода у нихъ обыкновенно незначительной величины—разсѣянный пучокъ волосъ, едва покрывающій подбородокъ. Они носятъ широчайшія кожаные штаны и грубую рубаху съ широко отогнутыми воротниками. Ихъ наружное одѣяніе представляетъ длин-

ный плащъ, съ рукавами и воротникомъ, облекающій все тѣло; смотря по погодѣ, они иногда одѣваютъ ихъ по два и по три. Богатые люди имѣютъ такіе же плащи, иногда бархатные и богато украшенные золотомъ и серебромъ. Правительственные власти дарятъ важнымъ киргизамъ красные плащи съ такими же украшеніями; но киргизы гордятся больше, если ихъ награждаютъ медалью или крестомъ. На своихъ головахъ они носятъ нарядную шапочку, и надъ нею конической формы шляпу изъ бараньей кожи, обращенной своимъ мѣхомъ внутрь. Но самыя важныя украшенія составляютъ у киргизовъ ихъ поясы, сѣдла и уздечки, которые бывають сплошь покрыты серебромъ, золотомъ и драгоценными камнями. Женщины одѣваются какъ и мужчины, но ихъ головы и шеи завертываются распущенными складками бѣлой бумажной ткани, такъ что изъ оборотовъ ткани образуется и нагрудникъ, закрывающій съ обѣихъ сторонъ шею и грудь, и чалму. Онѣ прядутъ и вышиваютъ, а также ведутъ кухню, производятъ и всякую другую работу, потому что мужья до того лѣнны, что занимаются только однимъ дѣломъ—уходомъ за лошадьми. Мальчики ходятъ или голые, или въ рубахахъ и широкихъ шароварахъ, съ бритою головою; дѣвочки одѣваются какъ матери, съ волосами сзади коротко стриженными, а впереди волосы висятъ заплетенными въ очень длинныя завитки, по десяти съ каждой стороны лица.

Всѣ важнѣйшіе праздники—обрѣзаніе, бракъ, похороны, всегда сопровождаются у киргизовъ разными играми и непременно конскими скачками. Выдача замужъ дѣвицы выражается игрою въ охоту за любимою женщиною. Невѣста сама участвуетъ въ этой охотѣ, вооруженная бичомъ. Она садится на прыткаго коня, окруженная всѣми молодыми парнями, которые заявили свое притязаніе на ея руку, и будетъ призомъ того, кто захватитъ ее. Она имѣетъ право, кромѣ побужденія лошади къ самому быстрому бѣгу, пустить въ дѣло и свой бичъ: и часто бываетъ, что она попробуетъ его не шутя надъ всадникомъ, котораго ненавидитъ, но, разумѣется, она будетъ гораздо уступчивѣе съ тѣмъ, кого она уже избрала въ своемъ сердцѣ. По киргизскому обычаю, желающій жениться на дѣвушкѣ долженъ платить калымъ—опредѣленную денежную сумму, которая идетъ на обезпеченіе жены въ случаѣ развода и во всякомъ случаѣ принадлежитъ женѣ какъ ея собственность—и позаботиться о приданомъ, которое тоже дѣлаетъ женихъ. Калымъ обыкновенно состоитъ, у богатыхъ людей, изъ 47 лошадей или 37 головъ скота и нѣсколькихъ лошадей. Въ приданое отецъ всегда даетъ кибитку въ собственность своей дочери. Кибитка у киргизовъ имѣетъ еще

другое значеніе—какъ налогъ, плата за свой домъ и за всѣ домашнія помѣщенія, изъ чего они состоятъ. Въ этой кибиткѣ семейство живетъ и лѣтомъ и зимою. Это круглый изъ войлока сдѣланный шатеръ, распростирающійся надъ легкимъ деревяннымъ устройствомъ. Кибитка можетъ быть сложена въ 10 минутъ изъ своихъ частей и также легко разбирается на всѣ отдѣльныя части. Огонь дѣлается въ серединѣ шатра, а дымъ уходитъ изъ отверстія въ потолокъ. Кибитка такъ устроена, что лѣтомъ въ ней прохладно, а зимою тепло. Ея размѣры таковы, что въ ней помѣщается все, что только нужно для домашняго хозяйства и для сохраненія всѣхъ вещей, которыя необходимы для полного удовлетворенія всѣмъ домашнимъ потребностямъ и для убранства лошадей.

По простотѣ своей жизни, киргизы гораздо болѣе ближе къ природѣ, чѣмъ большинство другихъ азіатовъ; въ нихъ сохраняются всѣ пороки и добродѣтели дѣтей. При первомъ знакомствѣ съ ними они кажутся непріятными, но когда узнаешь ихъ ближе, то не можешь не полюбить, и даже уважаешь ихъ. Этотъ приговоръ г. Скайлеръ слышалъ отъ всѣхъ людей, которые жили въ Средней Азіи: всѣ они признавали, что киргизы — племя самое высшее изъ всѣхъ другихъ азіатскихъ племенъ. «Они гостепріимны, — говоритъ г. Скайлеръ, — и я увѣренъ, что это гостепріимство не ограничивается одними людьми ихъ племени или только мусульманами, но также соблюдается и съ христіанами. Всегда, когда мнѣ случалось встрѣчаться съ ними въ степи, меня принимали хорошо, и все, что у нихъ было, они предлагали мнѣ. Въ нихъ живетъ общественное чувство, они всегда рады какимъ-нибудь новымъ извѣстіямъ; самый рассказъ или повтореніе его возбуждаетъ въ нихъ большое удовольствіе, и какъ только кто-нибудь привезетъ имъ извѣстіе о какомъ-нибудь происшествіи, сейчасъ же одинъ изъ семьи садится на лошадь и скачетъ сообщить о томъ, что слышалъ, своимъ отдаленнымъ знакомымъ: такимъ образомъ, всѣ важныя новости передаются въ степи гораздо скорѣе, чѣмъ по телеграфу. Противно большинству другихъ азіатовъ, киргизъ не отличается подозрительностью, но съ дѣтскою невинностью вѣрить во все, что ему говорятъ. Какъ бы то ни было, но и они сами далеки отъ правды, хотя скорѣе вслѣдствіе безопасности и лѣни, чѣмъ отъ добровольнаго намѣренія обмануть. Ихъ обѣщаніямъ довѣрять можно очень немного, входить въ сдѣлку съ ними нужно съ большою осторожностью, такъ какъ обезпечить совершеніе того, что они обязаны сдѣлать по контракту, можно только самою силь-

ною настойчивостью съ вашей стороны». Вотъ и другія черты, которыми г. Скайлеръ характеризуетъ это племя. Киргизы легкомысленны и измѣнчивы и легко поддаются подъ вліяніе людей, съ которыми они соединяются на какія-нибудь дѣла. Одна изъ ихъ лучшихъ чертъ состоитъ въ ихъ уваженіи къ почтенному возрасту и авторитету людей, которые стоятъ выше ихъ по способностямъ и смѣтливости... Во время войны они обыкновенно трусливы, хотя изъ нихъ можно сдѣлать отличныхъ лазутчиковъ, отчасти потому, что они отличаются своею неутомимостью въ ѣздѣ на лошади и отчасти замѣчательною врожденною способностью къ наблюденію всѣхъ предметовъ, которыми окружаетъ ихъ мѣстная природа: они могутъ видѣть какимъ-то удивительнымъ образомъ путь даже въ самую темную ночь, и они никогда не заблуждаются ни въ песчаной пустынѣ, ни въ степи. Они могутъ измѣрять пространство по разстоянію, до котораго доходить ихъ голосъ или можетъ видѣть ихъ глазъ. Киргизы не свирѣпы по своей натурѣ, и ихъ войны или экспедиціи, когда они принимаютъ ихъ, въ бѣльшей части случаевъ имѣютъ цѣлью не грабежъ, а мщеніе. Грабительскія экспедиціи называются *барантами*, но эти баранты сурово наказываются, если похитители открыты. Потеря лошадей или барановъ есть уже достаточная причина для большой грабительской экспедиціи противъ сосѣда, чтобы вознаграждать себя самого; это похоже на американскій законъ Линча. По своему душевному расположенію, киргизы люди веселые и добрые, по самой природѣ, — они любятъ музыку и постоянно поютъ какую-нибудь пѣсню. У нихъ много пѣсенъ, нелишенныхъ простой поэзіи, а музыкальнымъ инструментомъ имъ служить нѣчто въ родѣ гитары, а также барабаны. Свадьбы заключаются безъ всякой религіозной церемоніи; во время ея совершенія всѣ гости, собравшись вмѣстѣ, славятъ невесту и жениха; женщины поютъ о добродѣтеляхъ невесты, а мужчины о грабительскихъ подвигахъ жениха. Послѣ того женихъ идетъ въ кибитку, гдѣ сидитъ невеста, съ тѣмъ чтобы вывести ее оттуда, но у входа и выхода онъ встрѣчаетъ насильственное сопротивленіе своихъ друзей. Это напоминаетъ древній первоначальный обычай, когда бракъ былъ дѣйствительно насильственнымъ возомъ новобрачной.

III.

Въ самомъ Туркестанѣ большинство жителей принадлежитъ тремъ племенамъ: узбекамъ, таджикамъ и сартамъ.

Узбеки происходятъ отъ тюркскихъ племенъ, въ разныя времена, до Чингизхана (XIII вѣка) и послѣ него, переселявшихся въ Среднюю Азію. Населеніе Средней Азіи никогда не было неподвижнымъ; даже и теперь движенія между племенами и расами продолжаются. Узбекъ, значить, осѣдлый человѣкъ. Изъ одного имени можно заключить, что это племя образовалось изъ отдѣльныхъ союзовъ или клановъ. Въ нынѣшнихъ городахъ: Ташкентѣ и Бухарѣ, узбеки дѣлятся на 92 клана (фамилій); въ каждой фамиліи есть нѣсколько дѣленій и подраздѣленій. Бываютъ случаи созданія новыхъ клановъ, напримѣръ, кланъ Юсь-Мингъ-Кыркъ, созданъ изъ трехъ различныхъ клановъ. Нѣкоторые кланы считаются передовыми кланами, таковъ Мингъ; къ нему принадлежитъ бывшій коканскій ханъ, Кудеяръ, который владѣлъ Ургутомъ и горами къ юго-востоку отъ Самарканда. Такой же вліятельный кланъ носить названіе Мангитъ, въ которомъ членомъ состоитъ бухарскій ханъ, Мозаффаръ-Эддинъ, имѣющій заповѣдное имѣніе въ окрестностяхъ Карши, а также нѣсколько поселеній близъ Самарканда.

Таджики произошли отъ персовъ, и было время, когда они занимали не только всю страну между рѣками Сыръ и Аму, но также и правый берегъ Сыра: т.-е. Коканъ и Кашгаръ. Тюркскія племена пришли въ Среднюю Азію гораздо позже и вытѣснили таджиковъ въ города и въ горы. Таджики живутъ теперь въ Ташкентѣ; въ Бухарѣ, Самаркандѣ и Ходжентѣ таджики главный элементъ городского населенія, но на правомъ берегу Сыра число ихъ сильно уменьшилось, и населеніе сдѣлалось почти вполнѣ тюркскимъ. Горные таджики живутъ недалеко отъ Ташкента, въ небольшихъ разсѣянныхъ деревняхъ, въ горахъ Акшау. Въ горныхъ кряжахъ Заравшана таджики живутъ въ густонаселенныхъ деревняхъ. Но новыя переселенія тюрковъ оттѣснили нѣкоторую часть заравшанскихъ таджиковъ еще далѣе въ горы, и ихъ тамъ называютъ галчами. Таджики говорятъ по-персидски, но съ примѣсью тюркскихъ словъ. Изъ узбековъ только немногіе умѣютъ говорить по-таджицки, между тѣмъ какъ большинство таджиковъ говорятъ и по-тюркски. Тюркское нарѣчіе, которое существуетъ въ Средней Азіи, называлось прежде джагатайскимъ, но джагатайскій народъ совершенно исчезъ. Въ

настоящее время во всѣхъ ханствахъ всѣ государственныя и оффиціальныя бумаги и всѣ письма пишутся на таджійскомъ языкѣ, какъ языкъ приличія и вѣжливости. Все населеніе, принадлежащее вполнѣ русской власти, въ Туркестанѣ считается въ 1.600,000 душъ, изъ которыхъ цѣлый миллионъ — кочевыя племена. Кромѣ таджиковъ и узбековъ, другія племена составляютъ обрывки этихъ главныхъ двухъ племенъ. Есть еще арабы, но ихъ очень не много: они живутъ въ Бухарѣ въ Катта-Курчане, близъ города Карши въ Бухаріи и въ Кукерыли, на рѣкѣ Аму. Въ заравшанскомъ округѣ арабовъ насчитываютъ до 2000: одни извѣстіе объ ихъ происхожденіи производятъ ихъ отъ тѣхъ арабовъ, которые внесли магометанскую вѣру въ Туркестанъ, въ VII вѣкѣ, а другіе полагаютъ, что они переселены сюда Тимуромъ, когда онъ завоевывалъ западныя азіатскія государства. Теперь эти арабы умѣютъ ткать шерстяныя и хлопчатобумажныя ткани, а также дѣлать превосходные ковры, и живутъ въ большомъ довольствѣ.

Таджики и узбеки во многомъ отличаются между собою и по наружности, и по характеру. Таджики — широкіе и полные люди съ густою черною бородою; въ ихъ выраженіи лица много хитрости и лукавства, — они измѣнчивы, не говорятъ правды, безпечны, трусы и хвастуны, нравственно испорчены во всемъ. Узбеки выше и худощавѣе таджиковъ, съ рѣдкою бородою и съ длиннымъ болѣе рѣзко очертаннымъ лицомъ; — они просты въ своей одеждѣ и въ своемъ обхожденіи съ другими, между тѣмъ какъ таджики преданы украшенію своей личной наружности и очень любятъ наряжаться. Узбеки смотрятъ на таджиковъ съ презрѣніемъ, но, въ то же самое время, они находятся въ зависимости отъ тѣхъ, кого они презираютъ. Узбеки обходятся съ таджиками, какъ съ глупыми и дѣтьми, — и, улыбаясь, говорятъ, что они имѣютъ ихъ вполнѣ въ своей власти. Но, какъ бы то ни было, а взаимные браки совершаются между узбеками и таджиками весьма нерѣдко. Таджикъ не чванится достоинствомъ своего племени, и только въ рѣдкихъ случаяхъ называетъ себя: «я — таджикъ». Если его спрашиваютъ, кто онъ, онъ отвѣчаетъ обыкновенно: «я житель Ташкента», «я изъ Ходжента», «я самаркандецъ». Но узбекъ всегда отвѣтитъ: «я — узбекъ изъ клана Ялайра» или Калагарпа, и при этомъ онъ непременно расскажетъ, къ какому отдѣлу и подраздѣленію онъ принадлежитъ, хотя всѣ эти подраздѣленія уже сильно падаютъ въ глазахъ другихъ туркестанцевъ...

✓ Сарты — это племя татарско-финское. Древніе писатели Сред-

ней Азіи употребляли имя сарта для обозначенія обывателей долины рѣки Сыръ. Сарты распространились потомъ въ Кашгарѣ, въ китайскихъ провинціяхъ, въ Кульджѣ, въ Хивѣ и во всѣхъ городахъ Кокана, — въ Ташкентѣ они составляютъ массу населенія. Теперь существуютъ сарты въ Бухарѣ и Самаркандѣ. Главная сила ихъ въ городахъ, гдѣ они исполняютъ разныя должности въ городской службѣ и занимаются разными ремеслами, торговлею, — однимъ словомъ, настоящіе горожане. Они всегда имѣли большое значеніе во всѣхъ тревоженіяхъ Средней Азіи, но въ особенности въ Коканѣ. Сарты были уже извѣстны въ среднихъ вѣкахъ, какъ городскіе жители, напримѣръ, въ Ташкентѣ. Тамъ они играли большую роль во всѣхъ событіяхъ: они создавали даже политическія общества, руководили бунтами и вообще защищали всѣ городскія права. Еще въ половинѣ XV-го вѣка сарты защищали Ташкентъ отъ набѣговъ узбековъ и сдавали городъ Омару Шейку-мирзѣ и его сыну Баберу, который сдѣлался тогда общимъ правителемъ всей Ферганы и Ташкента, т.-е. всего Кокана, какимъ онъ былъ до послѣдняго русскаго завоеванія. Послѣ изгнанія Бабера, тамъ оставались еще завоеватели, а въ 1589 году Ташкентъ попалъ въ руки киргизовъ кайсацкихъ и кара-киргизовъ — тогда киргизы были на высотѣ своего величія — но 17-го апрѣля 1740 года сарты опять взбунтовались, убили киргизскаго вождя Юльбарсъ-хана и изгнали киргизовъ изъ Ташкента. Такова же судьба сартовъ въ городѣ Коканѣ, гдѣ они тоже играли огромную политическую роль.

Вотъ вкратцѣ послѣдняя исторія этого края, наканунѣ его подчиненія Россіи. Съ половины XVIII вѣка, послѣ возстанія сартовъ начало развиваться коканское государство переселеніемъ огромныхъ дружинъ узбековъ съ Волги въ разныя мѣстности около Ташкента, гдѣ уже были большіе зародыши узбекскаго племени, сидѣвшіе отдѣльными мѣстечками и кланами. Изъ пріѣхавшихъ узбековъ, главный ихъ вождь Шакрукъ-бекъ, явившись въ Фергану съ огромною массою земледѣльцевъ, женился на дочери Едигера - Ходжи, правителя города Хуррамъ-Сарай, и затѣмъ поселился съ своими толпами и челядью въ 15-ти верстахъ отъ нынѣшняго города Кокана. Въ одинъ прекрасный день онъ убилъ своего тестя и, пользуясь слабостью всѣхъ окрестныхъ жителей, сталъ надъ ними господствовать. Послѣ него правилъ его старшій сынъ Рахимъ-бекъ, а за этимъ сыномъ сталъ управлять братъ его Абдуль-Керимъ-бекъ, который и положилъ основаніе нынѣшней столицѣ Кокана и самъ переселился туда. Ему наслѣдовалъ его племянникъ, Ирдана

или Эрдени, сынъ Рахима (по другимъ источникамъ, это былъ сынъ самого Абдуль-Керима). Въ 1759 году китайскій генераль Чао-хоей уже нашелъ здѣсь много городовъ, управлявшихся бегами, состоявшими въ подданствѣ Эрдени. При прощаніи съ китайскими офицерами, Эрдени просилъ взять съ собою одного изъ своихъ оффиціальныхъ лицъ, чтобы предложить свое подчиненіе императору Кіань-Луню, тогда всемогущему монарху въ Азіи. Тогда платилъ дань Китаю и городъ Ташкентъ. Эрдени умеръ въ 1770 году, и ему наследовалъ его племянникъ, Нарбута, который послалъ дань и пословъ въ Пекинъ. Въ 1799 году онъ предпринялъ походъ противъ Ташкента, гдѣ въ 1800 году его армія была разбита, а онъ взятъ въ плѣнъ правителемъ Ташкента Юнусомъ-Ходжею и обезглавленъ. Потомъ царили его сыновья: Алимъ, Омаръ и Шахрухъ. Первый изъ нихъ отмстилъ за отца, взявъ Ташкентъ въ 1803 году, и началъ уничтожать послѣднее могущество киргизовъ, которые все не переставали беспокоить Ташкентъ. Омаръ пошелъ по стопамъ своего брата: онъ завоевалъ Ура-Тепе и уничтожилъ послѣдняго потомка киргизскихъ хановъ, Тозай-хана, котораго убили въ Бухарѣ. Но въ 1822 году Омаръ-ханъ умеръ, отравленный своимъ старшимъ сыномъ Магометомъ-Али. Омара и Алима народъ коканскій не забылъ до сихъ поръ.

Магометъ-Али назвалъ себя ханомъ Мадали. Сначала онъ воевалъ успѣшно съ китайцами, но всѣ эти подвиги имѣли значеніе грабежей сосѣднихъ китайскихъ провинцій, населенныхъ мусульманами, — это были: Кашгаръ, Яркандъ и Янги-Гиссаръ.

Послѣ опустошенія Кашгара китайцы рѣшились купить себѣ миръ и спокойствіе посредствомъ договора 1831 года, заключеннаго въ Пекинѣ посломъ Мадали, Алимъ Патчемъ. Ханъ коканскій вслѣдствіе этого договора получилъ большую власть надъ всѣми китайскими провинціями, которыя были завоеваны китайскимъ императоромъ Кіань-Лунемъ сто лѣтъ тому назадъ: Аксу, Ушъ-Турфонъ, Кашгаръ, Янги-Гиссаръ, Яркандъ и Коканъ. Во всѣ эти города ханъ послалъ своихъ *аксакаловъ* брать всю таможенную пошлину и оказывать охрану мусульманскому населенію. Послѣ того Мадали покорилъ еще и Каратегинъ, и заставилъ признать Кулабъ, Дарвоцъ и Шучьянъ свою власть. Такимъ образомъ, въ продолженіи своего 18-лѣтняго ханствованія, съ 1822—40, онъ пріобрѣлъ во всей Средней Азіи репутацію храбраго и дѣятельнаго государя. Но вдругъ все измѣнилось. Эта перемѣна произошла въ ханѣ вслѣдствіе угрызенія совѣсти: онъ въ гнѣвѣ убилъ своего лучшаго друга и лучшаго совѣтника,

который былъ также его учителемъ въ дѣтствѣ—Минга-Баши-Хаккъ-Кула. Послѣ смерти Хакка-Кула онъ пересталъ думать о военныхъ экспедиціяхъ и предался полному разврату. Эмиръ бухарскій Нафуллахъ прислалъ ему письмо, обвиняя его въ женитьбѣ на двухъ сестрахъ и даже на мачихѣ. Мадали пришелъ въ такой гнѣвъ, что сбрилъ посламъ эмира половину волосъ съ головы и съ бороды, и далъ своимъ войскамъ приказъ идти въ Бухару. Но его армія разсѣялась, не вступая въ бой. Два года послѣ того бухарскій ханъ явился съ 18,000 войска къ городу Кокану; тогда Мадали съ 1000 своихъ тѣлохранителей и семьей уѣхалъ въ 100 повозкахъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ въ Наманганъ, но потомъ явился самъ лично къ бухарскому эмиру. Магнаты Кокана напрасно протестовали противъ эмира бухарскаго за то, что онъ позволилъ во дворцѣ судить Мадали и казнить его. Когда бухарскій ханъ ушелъ съ войсками въ Бухару, оставивъ въ Коканѣ своего губернатора, сарты взбунтовали народъ противъ бухарцевъ и губернатора убили. Городъ попалъ въ руки вождя сартовъ Шади; узбеки и кипчаки поставили своего кандидата, кипчака Муссультмана-Кула, человека съ замѣчательными способностями. Бухарскій эмиръ пошелъ вновь завоевывать Коканъ съ 20,000 солдатъ и взялъ съ собою 500 коканскихъ чиновниковъ, которые у него были уведены въ Бухару какъ заложники. Когда эмиръ подошелъ къ Кокану, Муссультманъ-Куль предложилъ эмиру войти въ городъ, но въ то же время сказалъ жителямъ узбекамъ и сартамъ, чтобы они не сдавались и бились до послѣдней капли крови. Въ то же самое время, по счастливому стеченію обстоятельствъ, изъ Бухары пришло извѣстіе въ Коканъ, что хивинскій ханъ, дѣйствуя за-одно съ Коканомъ, перешелъ бухарскую границу. Нафуллахъ, уstraшенный этимъ извѣстіемъ, снялъ осаду, освободилъ заложниковъ и вернулся въ Бухару.

Послѣ удаленія эмира, на коканскій престолъ мирно вступилъ кипчакскій принцъ Ширъ-Али, человекъ простой и доброй натуры;—его враги дали ему кличку: тряпка. Первымъ дѣломъ его было приказать вырыть тѣло Мадали-хана и похоронить его съ торжественною церемоніею, въ сопровожденіи всего духовенства.

Все время правленія Ширъ-Али прошло главнымъ образомъ въ борьбѣ между кочевниками и городскими жителями. Ширъ-Али былъ выставленъ узбеками, и они ему дали въ правители, мингъ-баши (совѣтникъ), кипчака Юзуфа; сарты, съ своей стороны, выставили Шади, котораго очень любилъ народъ,—къ Шади присоединился и ханъ Кудеяръ, 16-лѣтній юноша, впослѣдствіи сдѣлавшійся ханомъ Коканскимъ. Битва произошла при Шузѣ; Шади

былъ убитъ, а ханъ Кудеяръ захваченъ въ плѣнъ. Но вскорѣ кипчаки, воспользовавшись отсутствіемъ Муссульманъ-Кула, ухавшаго въ горы собирать налоги, произвели бунтъ, убили Ширъ-Али и уже звали на помощь бухарскаго хана; но стоило Кулу вернуться назадъ, и приверженецъ кипчаковъ убѣжалъ изъ Кокана. Муссульманъ-Куль сдѣлался такимъ образомъ правителемъ Кокана; старшій братъ Кудеяра, Сарымсакъ, былъ приглашенъ въ столицу, но на дорогѣ умерщвленъ.

Муссульманъ-Куль смѣстилъ съ должностей всѣхъ сартовъ, враждебныхъ ему, а лица, которыя его окружали, угнетали народъ денежными вымогательствами. Такимъ образомъ, онъ создалъ себѣ въ четыре года управленія множество враговъ, а между тѣмъ наступилъ 1850 годъ — годъ совершеннолѣтія Кудеяра. Четыре города не хотѣли платить налоговъ, и Муссульману пришлось вести войска противъ непокорныхъ. Онъ собралъ 40,000 и взялъ съ собою хана Кудеяра. Но осада Ташкента неудалась вслѣдствіе измѣны одного изъ беговъ и сильныхъ дождей, такъ что коканской арміи пришлось отступить. Кудеяръ-ханъ убѣжалъ, и коканская армія, потерявши духъ, тоже покинула Муссульмана-Кула; ему пришлось самому бѣжать къ своимъ роднымъ кипчакамъ. Въ Коканѣ между тѣмъ сарты опять образовали сильную партію, и Кудеяръ съ радостью принялъ этотъ союзъ, а въ отмщеніе кипчакамъ позволилъ убивать ихъ вездѣ, на базарахъ, на улицахъ и въ степи. Эти убійства продолжались три мѣсяца, и Коканъ сдѣлался огромною площадью ежедневныхъ казней. Въ одинъ изъ этихъ дней, въ началѣ 1853 года, на той же площади, казнили чрезъ повѣшеніе и Муссульмана-Кула. Но, прежде чѣмъ его повѣсили, его заставили сидѣть въ оковахъ съ длинною шапкою на головѣ, на деревянной платформѣ, и онъ видѣлъ своими глазами, какъ убивали 600 кипчаковъ! Всѣхъ кипчаковъ истреблено было 20,000.

Истребленіе кипчаковъ, звѣрское умерщвленіе Муссульманъ-Кула и скоро за тѣмъ послѣдовавшая побѣда русскихъ войскъ надъ коканскимъ войскомъ, защищавшимъ важнѣйшее укрѣпленіе страны, Акъ-Машидъ, возбудила въ коканскомъ населеніи сильное движеніе противъ Кудеяра. Ему стали не довѣрять и узбеки. Среди этой партіи явился новый герой—Алимъ-Куль; къ нему пристали не только кипчаки, но и киргизы, которые тоже были обижены Кудеяромъ. За Кудеяра держались сарты и всего одинъ узбекскій кланъ—кланъ кара-калпаковъ.

Алимъ-Куль сошелъ съ горъ, взялъ Коканъ безъ всякихъ затрудненій, и Кудеяръ бѣжалъ въ Бухару. Вполнѣ понимая

всѣ внутреннія затрудненія, причиненныя разными спорами между отдѣльными партіями, благосклонный къ обыкновеннымъ преступникамъ, Алимъ-Куль наказалъ съ безпримѣрною жестокостью всѣхъ, которые оказались виновными въ политическихъ заговорахъ, и такихъ было 4,000! Эти казни навели на всѣхъ терроръ: все молчало, все казалось спокойнымъ и неподвижнымъ, — но скоро, какъ всегда бываетъ въ деспотическихъ государствахъ, наступила реакція и общее недовольство. Изъ каждаго города Кокана полились мольбы и письма къ Кудеяру и всѣ просили его вновь вступить на престолъ. Кудеяръ между тѣмъ поселился въ Джизакъ и возобновилъ свои прежнія коммерческія предпріятія. Посовѣтовавшись съ эмиромъ Бухары, онъ успѣлъ убѣдить его сдѣлать въ Коканъ экспедицію. Около этого времени, въ 1865 году, Алимъ-Куль былъ раненъ въ Ташкентѣ при первомъ нападеніи генерала Черняева на городъ, и черезъ нѣсколько дней умеръ. Большинство партизановъ умершаго немедленно убѣжало въ Кашгаръ, гдѣ Якубъ-бекъ создавалъ себѣ новый престолъ въ качествѣ главнокомандующаго войскъ Бузрукъ-хана. Въ то же самое время и мы завоевали Ташкентъ, а бухарскій эмиръ — Ходжентъ, и первое предложеніе русскихъ было хану бухарскому, чтобы онъ возвелъ на коканскій престолъ Кудеяра; для этой цѣли мы даже предлагали свои войска. Но бухарскій ханъ, сознавая свою собственную силу, хотя и подошелъ къ Кокану и возстановилъ Кудеяра, но удержалъ за собою Ходжентъ за свои заслуги; этотъ городъ оставался бухарскимъ до 1866 года. Такъ началось наше дѣятельное участіе въ дѣлахъ Средней Азіи.

Ханство коканское уменьшилось въ своихъ границахъ, и въ пользу русскихъ, и въ пользу Бухары. Несмотря на то, хану Кудеяру удалось спастись отъ полнаго покоренія Россіи. Но этого ему было мало: онъ хочетъ показать русскимъ, что онъ безпредѣльно вѣренъ и преданъ имъ, но только на чужой счетъ. Русскіе въ 1866 году отнимаютъ у бухарскаго хана городъ Ходжентъ, который прежде принадлежалъ Кокану. По лукавому совѣту своего секретаря, Ата-бека, Кудеяръ посылаетъ въ Ташкентъ военному генераль-губернатору свое личное поздравленіе съ такимъ радостнымъ для него днемъ, когда русскіе добивали вмѣстѣ и его врага. Странно, — замѣчаетъ г. Скайлеръ — какъ русскіе военачальники могли признать такое поздравленіе искреннимъ?.. Кудеяръ дѣйствительно ползалъ на полу и представлялъ себя вполне подчиненнымъ и вѣрноподданнѣйшимъ рабомъ туркестанской военной администраціи. Но не Кудеяръ поддерживалъ въ Коканѣ порядокъ, напротивъ — это былъ страхъ передъ рус-

скимъ вторженіемъ, который удерживалъ подданныхъ Кудеяра отъ мятежей и бунтовъ.

Царствованіе Кудеяра было еще болѣе суровымъ, чѣмъ правленіе прежнихъ правителей. Онъ началъ десятилѣтній грабежъ собственнаго народа, полный всякаго рода расхищеній и убійствъ. Но все молчало изъ боязни, что русскіе если войдутъ, то исключительно для того, чтобы заставить все населеніе покориться Кудеяръ-хану: все населеніе ожидало отъ новыхъ завоевателей не собственнаго своего защитника, но именно защитника того самаго хана, который ихъ грабитъ.) Городскіе жители долго терпѣли, но въ 1871 году начались беспорядки, и пришлось дѣйствовать военною силою. Въ 1873 году началось очень серьезное движеніе со стороны кара-киргизовъ, живущихъ въ горахъ къ югу отъ Уша и Андижана. Туда явились ханскіе офицеры налагать добавочныя подати по три овцы съ каждой кибитки и еще новый поземельный налогъ на обработанную землю въ горахъ. Эти подати киргизы отказались уплатить, и засѣкли офицеровъ хана бичомъ до смерти, а когда явились солдаты, то между ними и солдатами произошли кровавыя схватки, и киргизы всею массою удалились въ недоступныя горныя дефілеи. Въ это-то время, когда киргизы и кипчаки изгнали солдатъ и офицеровъ хана, прибылъ въ Коканъ сынъ Муссульмана - Кулы и зять хана Кудеяра, еще юноша, Афтобача-Абдуррахманъ-Гаджи, возвратившійся изъ Константинополя и изъ Мекки; въ первомъ онъ просилъ у турецкаго султана возвратить Кокану города, отнятые Россіею, а во второй онъ учился магометанскому фанатизму. Онъ имѣлъ большое вліяніе въ простомъ народѣ, особенно у киргизовъ. Этого-то юношу и послалъ Кудеяръ начальствовать надъ войскомъ и привести киргизовъ къ повиновенію. Афтобача увѣрилъ киргизовъ отправить къ хану депутацію изъ 40 человекъ, чтобы она представила ему рассказъ о бѣдствіяхъ киргизскаго народа и пыталась бы придти къ нѣкоторому соглашенію. Въ то же самое время онъ утверждалъ, что ханъ удержитъ ихъ у себя, какъ заложниковъ, но не сдѣлаетъ имъ никакого вреда, и будетъ поступать съ ними хорошо, такъ какъ порядокъ можетъ быть возстановленъ лишь мирными средствами. Кудеяръ, разумѣется, всѣхъ ихъ казнилъ, и возстаніе вспыхнуло съ новою силою. Когда киргизы захватили два укрѣпленныя мѣста въ горахъ: Узджентъ и Сукъ, гдѣ скрывались сокровища Кудеяра, то онъ послалъ въ Ташкентъ просить помощи, и жаловался русскимъ властямъ, что будто бы киргизы, подданные русскаго императора, вторгнулись въ Коканъ и опустошаютъ его. Но на дѣлѣ оказалось, что нѣсколько тысячъ

киргизовъ изъ Кокана, произведя безпокойство на русской границѣ, переселилось изъ Кокана на русскую территорію.

Русскіе отказались вмѣшиваться въ дѣла хана; впрочемъ начальникъ русской арміи телеграфировалъ въ С.-Петербургъ, не позволять ли занять Коканъ, если возстаніе продолжится, такъ какъ подобное состояніе дѣлъ весьма вредно для русскихъ интересовъ;—это позволеніе однако не пришло. Послѣ такого отвѣта со стороны Россіи, ханъ могъ надѣяться только на собственныя силы: всѣ города были противъ него и всѣ киргизы и кипчаки. Ханъ сталъ во главѣ своего войска; но солдаты не повиновались ему, даже большіе отряды — въ нѣсколько тысячъ, переходили къ врагамъ. Самъ Афтобача заперся въ небольшое укрѣпленіе Жура-Курганъ, близъ Намангана, и отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Вотъ какъ характеризуетъ г. Скайлеръ Кудеяръ-хана: «Можетъ ли быть еще какой-нибудь болѣе варварскій тиранъ, какъ это исчадіе безчеловѣчнаго мусульманизма, вырождающагося въ каннибализмъ. Для него нѣтъ ни добродѣтели, ни чужой жизни; у него есть только его мерзкая натура и его милліонъ фунтовъ стерлинговъ, награбленный самымъ мошенническимъ образомъ изъ кровнаго труда коканскаго населенія. Въ своемъ юношескомъ возрастѣ это былъ развратникъ самаго низкаго сорта; но когда Кудеяръ ниспровергнулъ Муссульманъ-Кула, своего главнаго министра, въ 1859 году, онъ сдѣлался убійцею самаго ужаснаго свойства; три мѣсяца съ-ряду онъ питался кровью 20,000 кипчаковъ; что же дѣлала его собственная кровь, тоже кипчакская?—гдѣ же было его челоуѣческое достоинство? существовало ли у него какое-нибудь понятіе о ненависти къ нему всего населенія коканскаго ханства? Ему было все равно: онъ спѣшилъ въ объятія своихъ друзей, которые наградили его теплымъ уголкомъ въ Оренбургѣ. И что онъ оставилъ за собою?—онъ оставилъ кровопролитную войну, продолжавшуюся шесть мѣсяцевъ и окончившуюся занятіемъ и присоединеніемъ этого несчастнаго и ограбленнаго народа къ Россіи».

Русскіе администраторы Туркестана, по замѣчанію г. Скайлера, дѣйствовали въ этомъ дѣлѣ чрезвычайно неосмотрительно и ошибочно. Они оставались нейтральными въ продолженіи послѣднихъ лѣтъ, когда народъ самъ начиналъ показывать свое полное неудовольствіе, не посылали ни одного вѣрнаго русскаго агента въ Коканъ для изученія положенія вещей въ Коканѣ и не принимали никакихъ средствъ, которыя могли бы гораздо раньше прекратить всѣ причины такого широкаго движенія, которое тамъ произошло. Во всей дѣя-

тельности, въ продолженіи десяти лѣтъ, туркестанскихъ администраторовъ, въ Коканѣ не видно ни одного факта, ни одного событія, ни одного движенія, которое показывало бы, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, касавшемся полуторамилліоннаго населенія, они что-нибудь знали. Напротивъ, — они въ то время занимались совершенно другими дѣлами: они приготовлялись завоевывать Кашгаръ, а какъ-разъ передъ ними и возлѣ нихъ ими же посаженный управитель приготовлялъ столько затрудненій въ будущемъ, что ихъ не залечишь и въ два поколѣнія. Туркестанскіе администраторы не знали даже того, что все населеніе Кокана было убѣждено въ томъ, что Кудеяръ не самъ дѣлаетъ всѣ свои мерзости, но будто бы по требованію русскаго правительства въ Ташкентѣ: ханъ Кудеяръ былъ бы давно низвергнутъ съ своего престола, еслибъ жители Кокана не опасались, что русскіе, въ случаѣ возстанія противъ хана, быстро двинутъ свои войска въ предѣлы страны для восстановленія Кудеяра. Такую безпечность туркестанской администраціи можно объяснить только нашею беззаботностью вообще. Упоенные успѣхами хивинскаго похода, мы ничего не видѣли, что дѣлается около насъ. Завоевательная страсть и военная слава, съ обогащеніемъ на-счетъ туземцевъ или ханской казны, увлекали ихъ еще въ одно новое завоевательное предпріятіе и на новую военную наживу, — а про Коканъ они совершенно забыли. Они поставили тамъ для управленія страной своего вассала, который повиновался имъ во всемъ (такъ, по крайней мѣрѣ, думали они сами), и убаюкивали себя, что ихъ безопасность въ Коканѣ совершенно обезпечена этимъ вѣрнымъ подданнымъ туркестанскихъ администраторовъ. Они даже не предвидѣли, что превращеніе коканскаго ханства въ русскую провинцію должно неизбѣжно совершиться рано или поздно, и что поэтому слѣдуетъ на всякій случай составить наилучшій планъ для постепеннаго подготовленія страны посредствомъ такихъ политическихъ и общественныхъ приспособленій, которыя вели бы готовившуюся катастрофу къ мирному исходу. Но если они и думали относительно присоединенія Кокана и обращенія его въ провинцію Ферганъ, то не иначе, какъ въ надеждѣ на то, что одинъ страхъ, вдохновленный побѣдами русскаго оружія въ центральной Азіи, можетъ быть до того силенъ въ коканскомъ народѣ, что окончательное завоеваніе совершится съ величайшею легкостью. Да, оно могло такъ случиться лѣтъ десять тому назадъ, во времена Черняева, но не въ послѣднее время, въ 1875 году, когда коканское населеніе, кочевое и осѣдлое (960,000

душъ¹⁾), было выведено изъ всякаго терпѣнія десяти-лѣтнимъ гнетомъ угнетенія, совершеннаго, какъ полагали всѣ жители городовъ и всѣ жители деревень, не Кудеяромъ самимъ, а Россією, «русскими» — въ лицѣ туркестанскихъ администраторовъ. И дѣйствительно, такого ужаснаго угнетенія, какъ говоритъ вся исторія Кокана, никогда не было въ этихъ городахъ и деревняхъ, какое явилось къ нимъ при появленіи русской власти въ Туркестанѣ. И вотъ почему Кудеяръ остался цѣль и невредимъ, а русскіе администраторы вели кровопролитную и жестокую войну въ продолженіи шести мѣсяцевъ съ военною силою въ 20,000.

(Замѣчательно, что уже въ 1873 году киргизы и кипчаки столь сильно ненавидѣли хана Кудеяра, что многіе изъ нихъ переселились черезъ русскую границу изъ Кокана и просили насъ выгнать Кудеяра и оказать имъ свое покровительство. Подобныя прошенія были получаемы русскими властями и отъ жителей городовъ. Эти факты ясно говорятъ, что если бы туркестанскіе администраторы заняли Коканъ лѣтомъ 1873 года, — это занятіе обошлось бы безъ всякаго потрясенія, такъ какъ киргизы и кипчаки сами просили генерала Колпаковскаго, чтобы ихъ приняли подъ русское покровительство; сарты, разумѣется, приняли бы сторону Россіи, такъ какъ большая часть налоговъ, отъ которыхъ страдало все населеніе Кокана, лежала на сартахъ.) Бывшій тогда главнымъ правителемъ въ Ташкентѣ, генераль Колпаковскій, телеграфировалъ въ С.-Петербургъ о дозволеніи вмѣшаться въ дѣла Кокана, но дипломатическая буря, поднявшаяся тогда по поводу хивинской экспедиціи, достигла своего апогея, и позволеніе не было дано. Генераль Колпаковскій не принадлежитъ къ ташкентскимъ администраторамъ; въ 1858 году онъ былъ переведенъ изъ Сибири въ округъ Алатау, гдѣ обитаютъ киргизы и кипчаки; теперь онъ генераль-губернаторъ Семирѣчья. О немъ г. Скайлеръ говоритъ, какъ о человѣкѣ съ неутомимой энергіей. Киргизы называютъ его — «желѣзное сѣдло». Онъ умѣетъ говорить по-киргизски и отлично знаетъ этотъ народъ. По словамъ нашего автора, если есть кто-нибудь теперь, кто могъ бы уничтожить взяточничество въ Туркестанѣ, возстановить довѣріе въ туземцахъ къ русскимъ и уменьшить огромныя издержки въ людяхъ и деньгахъ, которыя продолжаются въ Туркестанѣ до сихъ поръ и, повидимому, предназначены усиливаться, — это именно онъ. Весьма краткое пребываніе въ Семирѣчьи — заклю-

1) 600,000 городскихъ, 330,000 кара-киргизовъ и кипчаковъ.

часть г. Скайлеръ — достаточно для убѣжденія въ томъ, что между администраціею Семирѣчья и Ташкента есть огромная разница; нѣтъ никакого сомнѣнія, что честные люди существуютъ и въ другихъ мѣстахъ Туркестана, но всего ихъ меньше — это въ самомъ Ташкентѣ, и все, что стремится въ Ташкентъ, не отличается своей безупречностью: сквозь ташкентскую призму бѣлое легко дѣлается чернымъ и черное бѣлымъ, — какъ кому захочется или какъ кому нужно.

Покончивъ съ исторіею края, г. Скайлеръ переходитъ къ описанію современнаго быта въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, и представляетъ съ одной стороны картину домашней и общественной жизни туземцевъ, а съ другой — положеніе побѣдителей среди новыхъ подвластныхъ имъ племенъ. Тутъ авторъ является уже непосредственнымъ наблюдателемъ и говоритъ въ бѣльшей части случаевъ, какъ очевидецъ. Эта часть книги г-на Скайлера самая любопытная.

Юр. Россель.

СРЕДНЕАЗІАТСКАЯ КУЛЬТУРА

И

НАША ПОЛИТИКА НА ВОСТОКЪ.

Turkistan. Notes of journey in Russian Turkistan, Khokand, Buchara, and Kuldga. By Eugene Schuyler, Phil. Dr. Member of the Amerikan Geographikal Society and of the Imperial Russian Geographikal Society, etc. London. 1876.—Туркестанъ. Путевыя замѣтки о русскомъ Туркестанѣ, Коканѣ, Бухарѣ и Кульджѣ, Е. Скайлера.

О к о н ч а н і е.

IV *).

Несмотря на то, что мы живемъ вѣками въ сосѣдствѣ и въ безпрестанныхъ столкновеніяхъ съ народами Средней Азіи, трудъ г. Скайлера, — иностранца, посѣтившаго въ первый разъ наши новыя владѣнія и взявшагося за перо для своихъ соотечественниковъ въ далекой Америкѣ, — этотъ трудъ не менѣе любопытенъ и для насъ: такъ мало распространены въ массѣ нашего общества свѣдѣнія о томъ, что живетъ рядомъ съ нами. Г-нъ Скайлеръ, приступивъ къ описанію бытовой стороны населенія Средней Азіи, поставилъ себѣ цѣлью изложить дѣло со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ его подробностяхъ: для американца тутъ все является новымъ; но мы увѣрены, что и для нашего общества весьма немногое изъ сообщеній г. Скайлера окажется излишнимъ, какъ общеизвѣстное. Пріемъ автора дѣлаетъ чтеніе его книги весьма

*) См. выше: іюнь, 578 стр.

интереснымъ: мы у него всегда находимъ или краснорѣчивый и краткій языкъ цифръ, или живыя описанія сценъ и картинъ, схваченныхъ съ натуры. Вотъ, напримѣръ, какъ живутъ жилищные люди въ Средней Азіи, у себя, дома, въ обыденной домашней обстановкѣ, съ своимъ понятіемъ о комфортѣ.

— Мы подошли — такъ рассказываетъ г. Скайлеръ — къ небольшой калиткѣ, полуоткрытой; на нашъ стукъ къ намъ вышли три красивыхъ мальчика въ длинныхъ распущенныхъ рубахахъ, опоясанные ручными платками, и съ шапочками на головахъ, съ улыбающимися лицами. Они привѣтствовали насъ своимъ обычнымъ: «аманъ!» и взяли нашихъ лошадей. Мы вошли; передъ нами открылся большой дворъ, почти весь окруженный навѣсами, наполненными лошадьми; другой формы стойла здѣсь не бываетъ. Черезъ другую дверь мы вошли на другой дворъ, на двухъ сторонахъ тамъ были балконы. Этотъ дворъ называется «мужскимъ» (tish-kari), позади него, тоже черезъ дверь и черезъ узкій проходъ, — дворъ «женскій» (itch-kari). Дода Могаммедъ, купецъ богатый, имѣетъ три двора, а у другихъ бываетъ только два, но во всякомъ случаѣ женщины должны имѣть отдѣльное для себя помѣщеніе, гдѣ имъ бы ничего не мѣшало, и куда мужчинамъ входить недозволено. У мужчинъ гладкій полъ изъ твердой глины и на ней полосы дерна; съ одной стороны, стоитъ платформа въ 1—1½ фута высоты и возлѣ квадратный прудъ, отбняемый деревьями, вода котораго натекаетъ въ маленькій ровъ изъ главныхъ каналовъ города и снабжаетъ водою для питья и для омовенія.

— Насъ вводятъ въ гостиную, гдѣ всѣ сидятъ на туркменскихъ коврахъ, покрывающихъ весь полъ; между тѣмъ внѣшній воздухъ становится пріятнѣе, выносятся другіе ковры и помѣщаются на платформу, а вдоль ея края кладутся тонкіе полосатые шелковые матрасы; намъ даютъ подушки, чтобы положить на нихъ локти, когда мы почувствуемъ, что сидѣть слишкомъ утомительно. Туземцы сидятъ иногда на накрестъ-сложенныхъ ногахъ, но гораздо болѣе приличнымъ считается, стоя на колѣняхъ, сидѣть на ногахъ. Такое сидѣніе кажется съ перваго раза слишкомъ утомительнымъ, но можно привыкнуть къ этому; если пріобрѣсть національные шаровары, тогда каждый европеецъ можетъ легко обойтись безъ стульевъ. Всѣ дома почти устроены одинаково: есть большая комната, открывающаяся на балконъ, гостиная, и одна или двѣ маленькія, противоположныя большой. Женскія комнаты въ женскомъ дворѣ совершенно такія же, какъ и мужскія. Въ каждой комнатѣ двѣ или три двери

съ двойными створками, открывающимися внутрь, и висятъ онѣ на чемъ-то въ родѣ стержня, который проходитъ въ притолокъ и порогъ; двери украшены не рѣдко нѣжными арабесками. Окна нѣтъ, но есть продольныя отверстія надъ дверями, иногда закрытыя рѣшетками, а рѣшетки—бѣлою бумагою. Стѣны оштукатурены и иногда обдѣланы красивымъ карнизомъ изъ алебаstra; обыкновенно на нихъ много нишъ съ верхушкою на аркѣ, и эти ниши служатъ полками для книгъ, для платья, для конфетъ и сластей, кувшиновъ и чайниковъ. Стѣны часто окрашиваютъ искусственными цвѣтами или букетами или горшками чудесныхъ цвѣтовъ и иногда маленькими арабесками; въ рѣдкихъ случаяхъ тамъ бываетъ изображеніе какого-нибудь животнаго, и вообще такихъ изображеній избѣгаютъ, какъ запрещенныхъ кораномъ. Потолокъ дѣлается изъ небольшого круга ивовыхъ вѣтвей, прилаживаемыхъ между стропилами, и обыкновенно окрашивается въ блестящій ультрамариновый голубой цвѣтъ.

— Кромѣ ковровъ и матрасовъ, мебели никакой, за исключеніемъ небольшого круглаго стола, въ нѣсколько дюймовъ вышины, на который кладутъ сласти и фрукты для гостей, или вырѣзанный изъ дерева и окрашенный ящикъ для чашекъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду одну особенность: въ углу комнаты весьма часто бываетъ тазикъ, опущенный немного ниже пола, для омовенія передъ молитвами; подлѣ него помѣщается кувшинъ съ водою. Въ первомъ дворѣ содержатся всѣ необходимыя вещи для лошадей, уздечки, сѣдла и т. п. Во внутреннемъ, женскомъ дворѣ—кухонная утварь и спеціальныя вещи для женщинъ: нитки, шелкъ и всѣ предметы, которыми онѣ окружаютъ себя. У женщинъ также мало мебели, какъ и у мужчинъ, если не считать особеннымъ предметомъ широкую деревянную постель, поднимающуюся съ полу на нѣсколько дюймовъ; надъ нею натянута сѣтчатая сѣть изъ веревки. Многіе спятъ просто на коврѣ, тонкомъ стеганомъ одѣялѣ или матрасѣ, разостланномъ на полу... Съ улицы домъ не имѣютъ украшеній. Крыша плоская, сдѣланная изъ камыша или тростника, и затѣмъ густо обмазана глиною, сквозь которую легко пробиваются безчисленные скорпіоны—эти постоянные гости въ домахъ туземныхъ жителей Ташкента. Случайно залѣзаютъ въ дома и тарантулы, и другіе ядовитые пауки. Дома по большей части одноэтажные, причемъ бываетъ и одна верхняя комнатка, называемая: *balakhana*, это нашъ балконъ, по-персидски *bala*.

— Весь день проходитъ въ ѣдѣ и питьѣ, въ омовеніи и въ разныхъ дѣлахъ и разговорахъ. Прежде всего былъ посланъ

передъ нами полосатый кусокъ шелковой или бумажной ткани и на немъ появились разныя яства: миндальныя и фисташковые орѣхи, иногда засахаренныя, пасты и леденцы разныхъ вкусовъ, *халва*, небольшіе пирожки, вафли, фрукты, миндали въ сахарномъ сиропѣ и т. п. Отвѣдавъ всѣ эти разныя деликатессы, мы стали толковать о различныхъ предметахъ, о нашихъ общихъ знакомыхъ и о новостяхъ дня, о вопросахъ религіи или о мѣстной исторіи. Меня много занималъ одинъ туземецъ, высокій добродушный человѣкъ лѣтъ сорока; онъ выучился русскому языку, вступилъ въ русское общество и теперь знаетъ всѣхъ русскихъ дамъ въ Ташкентѣ, какъ ихъ зовутъ; онъ поймалъ нѣсколько французскихъ фразъ, и постоянно вводитъ ихъ въ свои рѣчи.

— Но вотъ скоро солнце сядетъ, и всѣ туземцы, нисколько не извиняясь, подходятъ по-одиночку къ завѣтному мѣсту—совершить свои омовенія: вымыть лицо, пальцы и руку до локтя. Интересно видѣть, съ какою ловкостью исполняется эта пріобрѣтенная привычка: рука поднимается вверхъ, одинъ поворотъ ручной кисти—и вода ровно бѣжитъ по рукѣ къ локтю. Когда туземецъ пьетъ воду изъ ладони, онъ прилагаетъ свой ротъ такимъ образомъ, что выпиваетъ всю воду, не теряя ни одной капли. Каждый локоть вымывается три раза, и лицо столько же разъ, включая всѣ семь отверстій: глаза, уши, носъ и ротъ, и на затылокъ назадъ. Затѣмъ идетъ омовеніе ногъ; мужчины обыкновенно не снимаютъ своихъ сапоговъ, но только проводятъ свои мокрые пальцы по пальцамъ ногъ, символически разумѣя, что вымыты и ноги. Потомъ они надѣваютъ чалмы, подергиваютъ качающійся конецъ на лѣвой сторонѣ, и, стоя на коврѣ или чистомъ платѣ, расprostертomъ на полу, лицомъ къ Меккѣ, повторяютъ свои молитвы. Молитвъ этихъ пять: 1) въ моментъ появленія солнца; 2) около полудня или часомъ, двумя позже; 3) до захода солнца; 4) сейчасъ послѣ захода; 5) около 9 часовъ вечера. Народный обычай придумалъ всѣ ежедневныя обязанности напоминать себѣ въ стихотворной формѣ, на примѣръ: поставь котелъ (намазъ дигаръ кари дигаръ)! ступай спать (хофтанъ-хорафтанъ)! зажги свѣчи (шамъ)!

Одежда азіата весьма простая. Онъ носитъ широкія шаровары изъ грубаго бѣлаго бумажнаго сукна, твердо прикрѣпленнаго къ поясницѣ веревкою съ кистью; это необходимое платье, которое снимается съ тѣла лишь въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, но никогда не въ присутствіи другого. Часто бываетъ, когда люди на работѣ, это—ихъ единственное платье, и въ этомъ случаѣ оно постепенно оборачивается около веревки или ногъ, такъ что ра-

бочій стоитъ почти голый. Надъ этими распускающимися шароварами носится длинная рубаха, бѣлая или свѣтлаго цвѣта, достигающая почти до конца ногъ и съ весьма узкимъ отверстіемъ на шеѣ, такъ что нѣсколько трудно пройти въ него съ головою. Туфли длинныя и свободныя. Кромѣ этого бываетъ еще *чапанъ*, смотря по погодѣ или по желанію самого рабочаго. Чапанъ—это открытый плащъ, за которымъ удобно скрывать руки, какъ требуетъ азіатское приличіе. Плащъ этотъ имѣетъ косые воротники, съ шнурками, для завязыванія спереди, и необыкновенно широкими рукавами, сдѣланными съ огромнымъ клиномъ и вдвое длиннѣе, чѣмъ нужно. Лѣтомъ эта одежда дѣлается обыкновенно изъ русскихъ ситцевъ или туземной *алачи*, полосатой бумажной ткани, или изъ шелковой ткани, тоже полосатой, или изъ какой-нибудь роскошной ткани восточнаго образца съ блестящими красками: непременно съ красною, желтою и зеленою. Скайлеръ видѣлъ и такихъ, у которыхъ эти плащи и мантии одѣвались не по три только, но по четыре и даже по пяти; они его увѣряли, что лѣтомъ сквозь эти мантии солнечный жаръ не допускается къ тѣлу. Зимой достаточно одного плаща, но изъ сукна подбитаго барашкомъ или мѣхомъ. Обыкновенный поясъ—или кушакъ, длинный платокъ, или небольшая шаль; иногда носятъ кругомъ поясицы нѣсколько разъ перевитый, длинный шарфъ. Евреямъ, при прежнемъ азіатскомъ управленіи, дозволяли носить, какъ поясъ, только веревку или шнурокъ, какъ знакъ ихъ униженія. У пояса висятъ разные ножи, кошельки, сумки, футляры для разныхъ дневныхъ потребностей. На головѣ небольшая шапочка,—въ Ташкентѣ всегда шелковая, а въ Бухарѣ —разработанная шелкомъ или англійской шерстью, крестообразнымъ швомъ. Чалма, называемая *чилъ-печъ* или «сорокъ оборотовъ», очень длинна, и если носитель ея имѣетъ притязаніе на элегантность нѣжнаго и тонкаго матеріала, то онъ покупаетъ непременно только тѣ, которыя привозятся изъ Англіи. Нужно большое искусство, чтобы свить такую чалму вокругъ головы во столько складокъ, чтобы она была и хорошо сдѣлана и имѣла фешенебельный видъ. Одинъ конецъ долженъ падать надъ лѣвымъ плечомъ, но это въ обыкновенное время, а во время молитвы онъ долженъ быть воткнутъ надъ верхушкою. Если этотъ конецъ будетъ на правой сторонѣ, то его называютъ афганскимъ шпилемъ. Большинство чалмъ бѣлаго цвѣта; купцы предпочитаютъ голубой и полосатый. Дома мужчины ходятъ обыкновенно босоножими, но, выходя на улицу, одѣваютъ или туфли съ совершенно

низкими каблуками, или длинныя мягкіе сапоги, подошвы и голенища которыхъ сдѣланы изъ одного матеріала.

Одежда женщинъ и по формѣ и по фасону своему почти ничѣмъ не отличается отъ мужской; женщины носятъ тѣ же шаровары, рубахи и длинныя платья отъ шеи до земли, но всегда шелковыя, яркаго цвѣта. Онѣ носятъ неисчислимое количество шейныхъ ожерелій и мелкихъ амулетовъ, подвѣски въ волосахъ, серьги и даже кольцо въ носу. Скайлеръ говоритъ, что это не такъ дурно, какъ многіе полагаютъ: «красивая дѣвица съ бирюзовымъ кольцомъ въ ноздрѣ хотя и кажется чѣмъ-то необыкновеннымъ, но тѣмъ не менѣе явленіе это очень интересное и представляетъ въ себѣ много пикантнаго». Въ центральной Азіи всѣ уважаемыя женщины, выходя на улицу, покрываютъ свое лицо густымъ чернымъ вуалемъ, достигающимъ до талии; поверхъ всего набрасывается темно-голубой или зеленый халатъ, рукава котораго, связанные вмѣстѣ на концахъ, волочатся позади. Цѣль этого мрачнаго одѣянія состоитъ въ томъ, что женщина желаетъ избѣжать постороннихъ наблюденій. Но сами женщины весьма любопытны, и случайно въ переулкѣ иной способны подсмотреть ихъ въ ту самую минуту, когда онѣ не успѣваютъ спустить свой вуаль. Взоръ гяура или кафира не считается столь вреднымъ для нихъ, какъ взоръ мусульманина.

Въ городахъ при туземномъ управленіи за нравственностью женщинъ строго смотрѣли магометанскія власти, но въ Ташкентѣ и другихъ городахъ, принадлежащихъ теперь Россіи, число женщинъ распущеннаго характера и нравовъ расплодилось очень много, такъ какъ многія туземныя женщины предпочитаютъ жить вольною жизнью, чѣмъ съ нелюбимымъ мужемъ, и ищутъ развода до такой степени, что идутъ въ русскіе госпитали для освидѣтельствованія врачами, что, разумѣется, не нравится мужьямъ, и разводъ становится возможнымъ и легкимъ. Такія женщины всегда ходятъ безъ вуалей, постоянно гуляютъ на улицахъ, ѣздятъ въ экипажахъ на пикники и въ разныя мѣста для удовольствія. «Это очень жаль,—говоритъ Скайлеръ,—что сниманіе вуалей женщинами началось съ такого класса, потому что теперь никакая уважаемая женщина не осмѣлится идти безъ вуаля, и даже еврейскія и татарскія женщины стали ходить съ вуалями, чтобы предохранить себя отъ непріятныхъ замѣчаній, когда онѣ ходятъ по улицамъ.»

Главное турецкое кушанье — *пилавъ*, состоящее изъ риса и баранины. Приготовленіе его весьма простое: известное количество бараньяго сала или жира растоплено въ горшкѣ, потомъ бара-

нина разрѣзается на куски, кладется въ горшокъ и жарится въ немъ; когда говядина выварена такимъ образомъ, тогда въ нее кладутъ рисъ, предварительно хорошо вымытый и очищенный, и все это подвергается общему варенію, причемъ подмѣшиваютъ туда мелкую изрубленную морковь, и, наконецъ, все вываливается на обширное глиняное блюдо, а куски мяса и кости распредѣляются артистически на вершукѣ всего. Кто-нибудь изъ обѣдающихъ беретъ тогда изъ-за своего пояса ножъ и рѣжетъ мясо на болѣе мелкія части, чтобы ихъ распредѣлить на всѣ стороны риса, для удобства всѣхъ гостей. Каждый ѣстъ правою рукою (а лѣвая употребляется только для низкихъ службъ), беря рисъ пальцами, сжимая его въ ладони ручной кисти и искусно отправляя его въ ротъ. Если это большой праздникъ, то въ пилавъ вставляютъ, вмѣсто баранины, вареныхъ цыплятъ, а также изюмъ, фисташковые орѣхи. Обыкновенный пилавъ, съ обиліемъ соли и перца, пріятенъ, но слишкомъ жиренъ и безвкусенъ, чтобы долго нравиться европейскому нѣбу... Другія туземныя кушанья: *кавардакъ*, составленный изъ рубленной баранины, изъ остатковъ ея, сжаренной съ саломъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ; — *каванъ* дѣлается изъ небольшихъ кусковъ мяса, жаренаго на вертелѣ, и рубленной баранины съ морковью. Баранина въ Средней-Азіи замѣняетъ всѣ роды говядины; конину ѣдятъ почти исключительно одни татары; Скайлеръ ее не ѣлъ, и кого онъ ни спрашивалъ въ Туркестанѣ, всѣ говорили, что у нихъ лошадей не ѣдятъ. Разъ, проѣзжая по одной киргизской деревенькѣ, онъ видѣлъ, что жители рѣзали лошадиное мясо, повидимому, для ѣды, и ему говорили, что лошадиныя сосиски и жареный молодой жеребенокъ почитаются въ Коканѣ весьма вкуснымъ кушаньемъ. Хлѣбъ всегда пшеничный и дѣлается круглымъ и небольшимъ; иногда онъ большой, но тонкій какъ вафля, и когда свѣжъ, — очень хорошъ.

Для питья нѣтъ ничего, кромѣ воды и зеленого чаю. Туземцы всегда говорятъ, когда съѣдятъ пилавъ, что послѣ него слѣдуетъ напиться воды, такъ какъ рисъ растетъ въ водѣ и варится въ кипяткѣ. Черный чай явился въ Среднюю-Азію вмѣстѣ съ русскими, но туземцы продолжаютъ пить зеленый. Его пьютъ весь день, и онъ оказывается превосходнымъ средствомъ въ жаркій день, потому что, вызывая испарину, охлаждаетъ тѣло и не приноситъ никакого вреда нервной системѣ. Любимый напитокъ, особенно утромъ, — шинъ-чай, зеленый чай съ густыми сливками или съ растопленнымъ саломъ. Коранъ запрещаетъ употребленіе винъ и другихъ крѣпкихъ напитковъ, но, несмотря

на это, въ настоящее время туземцы, за исключеніемъ людей, придерживающихся строгихъ принциповъ, рѣдко отказываются отъ стакана вина, когда имъ предлагаетъ русскій, евреи же всегда пили грубыя красныя вина. Странно, однако, что при всемъ разнообразіи фруктовъ, которыми такъ изобилуютъ эти страны, туземцы не изобрѣли никакого прохлаждающаго питья, которое не заключало бы въ себѣ чего-нибудь неопьяняющаго. Одинъ напитокъ, изъ зерна и называемый *бузою*, весьма опьяняющаго свойства и употребляется въ огромномъ количествѣ среди киргизовъ... Въ Средней-Азіи курятъ и табакъ и опиумъ; употребленіе кальяна тоже въ большомъ ходу среди туземной аристократіи и купцовъ. Пить бузу было запрещено русскимъ солдатамъ.

Всѣ удовольствія у мусульманскаго общества въ туркестанскихъ владѣніяхъ заключаются въ конскихъ скачкахъ, въ охотахъ на звѣрей и птицъ. На большихъ празднествахъ, гдѣ иногда происходятъ танцы, нѣтъ никакого другого наслажденія, и люди проводятъ свои дни только въ спячкѣ и въ разговорахъ. А что дѣлаютъ дѣти? — спросилъ Скайлеръ своего туземнаго знакомаго муллу Хаиръ-уллаха. «Наша религія — отвѣчалъ онъ, — запрещаетъ дѣтямъ играть въ игрушки. Ихъ наука должны быть направлена къ религіи и войнѣ, и по этой причинѣ имъ позволяютъ ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ луковъ, изъ ружья и даже изъ пушки, и больше ничего». Такой способъ обученія напомнилъ Скайлеру тѣхъ персовъ, о которыхъ говорилъ греческій историкъ и воинъ Ксенофонтъ: онъ рассказывалъ, что персидскіе мальчики учились верховой ѣздѣ, стрѣлять изъ лука и говорить истину, но, къ сожалѣнію, послѣднее мало входило въ настоящую практику. Мулла также, повидимому, оказался не совсѣмъ справедливымъ, такъ какъ въ городахъ, гдѣ стоятъ русскія войска: въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и въ другихъ, — тамъ коканскіе и бухарскіе мальчики научились играть даже въ бабки, а дѣвочки — въ куклы и въ мячикъ; взрослые познакомились съ картежными играми и игорными домами.

Средне-азіатскіе народы — хорошіе стрѣлки, но, къ сожалѣнію, у нихъ все старыя ружья; съ древнихъ временъ осталась и соколиная охота. Большая часть ружей имѣютъ замокъ съ фитилемъ: это очень длинное и тяжелое ружье, стволъ очень длинный и узкій, и заряжать его приходится очень долго. Одинъ изъ бековъ, Юра-бекъ, съ которымъ былъ знакомъ Скайлеръ, стрѣлялъ превосходно. Разъ, онъ взялъ именно ружье съ фитилемъ, — Юра-бекъ стоялъ у портика, и упершись при-

кладомъ въ колонку, выстрѣлилъ въ воробья, сидѣвшаго на верхушкѣ большого дерева: у воробья отлетѣла голова. Юра-бекъ отлично стрѣлялъ изъ духового ружья, и Скайлеръ въ первый разъ узналъ, что такія ружья есть вещь весьма обыкновенная въ небольшой горной долиנѣ Шарисабъ, гдѣ правилъ, въ 1870 году, Юра-бекъ, одинъ изъ лучшихъ людей среди азіатской аристократіи, и, что еще важнѣе, одинъ изъ честнѣйшихъ. Это духовое ружье—длинная трубка камыша, въ которую вкладываютъ небольшую пулю въ одинъ конецъ и изгоняютъ сильнымъ дыханіемъ.

Лошади въ центральной Азіи принадлежатъ къ тремъ породамъ: киргизской, аргамакской и туркменской. Киргизская лошадь—это небольшое животное, но за то она неутомима во всякихъ продолжительныхъ походахъ и переѣздахъ; она одинаково терпѣлива и зимою, и лѣтомъ. Аргамакская лошадь—смѣшанной породы; лучшія изъ нихъ находятся въ Бухарѣ. Животное не особенно большое, но легкое по своему устройству; на короткомъ пространствѣ эти лошади бѣгутъ очень быстро, онѣ пригоднѣе для гонокъ, чѣмъ для настоящаго дѣла. Есть еще одна порода: смѣсь киргизской съ аргамакской—*кара-баиръ*: она и хорошо и быстро бѣгаетъ, но можетъ и хорошо работать. Туркменскія лошади—это лошади арабскія, самыя лучшія изъ всѣхъ, они не уступятъ никакимъ лошадямъ ни въ неутомимости, ни въ усталости, ни въ быстротѣ бѣга. Туркмены дорожатъ своими лошадьми и никогда не продаютъ ихъ.

Важнѣйшія стороны нравственной и религіозной мусульманской жизни представляютъ обрѣзаніе, бракъ, смерть и похороны, образованіе дѣтей, суды, религіозные обряды.

Начнемъ съ самаго рожденія ребенка. Если родился мальчикъ, акушерка не извѣщаетъ матери о полѣ родившагося, пока не выйдетъ дѣтское мѣсто; этого требуетъ преданіе, будто отъ радости рожденія сына—матери будетъ трудно выдержать послѣднія боли. Отецъ можетъ присутствовать во все время совершенія родовъ. Затѣмъ, акушерка поздравляетъ родителей и получаетъ подарки. Въ продолженіи первыхъ пяти дней на ребенка не надѣваютъ рубашки. На девятый день мать матери ребенка приноситъ колыбель, со всѣми ея принадлежностями, къ числу которыхъ принадлежитъ и ячмень. Ребенка кладутъ въ колыбель на 9-й день, и вмѣстѣ съ тѣмъ при немъ ставится постоянно горящая свѣча, чтобы сохранить отъ дурного глаза. Въ тотъ же самый день мать встаетъ съ постели, и для нея дѣлается по этому случаю большой праздникъ, соотвѣтственно со средствами семьи.

Чтобы дитя не подвергнуть злымъ вліяніямъ, его не выносятъ на улицу ранѣе сорокового дня. Когда у ребенка срѣзаютъ въ первый разъ волосы, ихъ взвѣшиваютъ на мѣру золота или серебра и раздаютъ деньги бѣднымъ. Въ Ташкентѣ и вообще въ центральной Азіи, мальчики подвергаются обрѣзанію отъ 7-ми до 10-ти лѣтъ; эту операцію можно сдѣлать и прежде, но иногда этому мѣшаетъ бѣдность. Праздникъ обрѣзанія обходится весьма дорого, такъ какъ на такую церемонію приглашаются всѣ друзья семьи, и вотъ почему праздникъ этотъ дѣлаютъ нѣсколько семействъ вмѣстѣ, чтобы избѣжать лишнихъ расходовъ. Друзья мальчика собираются въ процессію, и вооружившись бумажными щитами, киверами и деревянными саблями, одѣваютъ маски изъ дынныхъ корокъ. Наиболѣе сильный изъ мальчиковъ несетъ на своей спинѣ обрѣзаннаго, находящагося уже въ совершенно безчувственномъ состояніи отъ данныхъ ему наркотическихъ средствъ. Когда всѣ гости соберутся, — начинается банкетъ, съ пилавомъ и всякими возможными угощеніями, а иногда это бываетъ цѣлый жареный баранъ. Являются національные комедіанты и представляютъ разные фарсы и фокусы на потѣху мальчишекъ; ихъ награждаютъ деньгами и платками. Въ продолженіи всего этого праздника мальчикъ находится въ женскомъ отдѣленіи и одѣтъ въ женское платье, и когда, наконецъ, настаетъ операція, его приносятъ изъ женской комнаты къ мужчинамъ, гдѣ уже приготовлена постель изъ лучшаго бѣлья; около кровати пациента сидятъ кругомъ всѣ самые важные гости... Операція дѣлается острою бритвою, и на рану сейчасъ же послѣ операціи кладутъ порошокъ или тонкій деревянный пепелъ: заживленіе ея происходитъ на 2-й или 3-й день. Крики мальчика заглушаются криками: «Эй, мусульманъ, болгаръ кафиръ» (Будь мусульманиномъ, пропади невѣрный!) Съ этого дня онъ членъ ислама, и только величайшіе грѣхи могутъ ему препятствовать не войти въ рай блаженныхъ.

Дѣвочки въ азіатскихъ странахъ выходятъ замужъ съ 11 — 15 лѣтъ; по строгому закону, дѣвушка можетъ выдти замужъ даже 9-ти лѣтъ, но это не вездѣ. Въ средне-азіатскихъ странахъ женщины развиваются очень рано: въ 25 или 30 лѣтъ она уже стара и некрасива. Если кто хочетъ жениться, онъ долженъ внести *калымъ* — это или деньги, или какое-нибудь имущество, которое женихъ приносить въ даръ своей женѣ для ея обезпеченія. Прѣжнее мнѣніе, что *калымъ* отдается отцу какъ выкупъ — мнѣніе невѣрное. Послѣ брака, этотъ *калымъ* дѣлается собственностью жены, и она можетъ имъ воспользоваться, если

найти нужным развестись съ мужемъ и выдти за другого. Въ Ташкентѣ вошло въ обычай, — если молодой человѣкъ дастъ торжественное обѣщаніе, что онъ имѣетъ полное желаніе жениться на дѣвушкѣ, то онъ можетъ во всякомъ случаѣ видѣть ее безъ вуаля, и это есть не одно любопытство. Въ другихъ мѣстахъ осмотръ поручается желающимъ жениться своему другу прежде брака; этотъ другъ долженъ тщательно посмотриѣть и разспросить, какая у нея наружность и какіе у нея нравы, какъ будущей жены... Когда получается согласіе съ обѣихъ сторонъ относительно калыма, тогда женихъ долженъ прислать извѣстную сумму денегъ или всѣ тѣ обязательства, какія сопряжены съ заключеніемъ калыма, и представить, сверхъ того, все, что требуетъ брачный обрядъ, и свадебные подарки. Правда, что бракъ можетъ состояться и прежде уплаты калыма, но вмѣстѣ съ тѣмъ жена можетъ отказаться отъ всякихъ сношеній съ мужемъ, пока калымъ не заплаченъ. Если же, послѣ заключенія брачныхъ условій, мужъ хочетъ отказаться отъ контракта, то онъ обязанъ заплатить женѣ половину суммы, назначенной по калыму. Для опредѣленія цифры свадебныхъ подарковъ, получаемыхъ невестою, играетъ роль число девять, какъ число священное: девятью девять самое большое число. Это значить, что каждаго предмета, необходимаго для свадебнаго контракта, должно быть по девяти. Число девять употребляется и для другихъ подарковъ: подарки гостямъ и подарки въ обмѣнъ за гостепріимство. Послѣ полученія свадебныхъ подарковъ назначается день брака. Невѣста тогда даетъ праздникъ своимъ друзьямъ, а женихъ — своимъ товарищамъ, каждый изъ нихъ въ своемъ домѣ. Въ день свадьбы, большой праздникъ устраивается въ домѣ семьи невесты, и всѣ друзья и родственники съ обѣихъ сторонъ получаютъ приглашеніе въ домъ невесты: женщины въ одномъ дворѣ, а мужчины въ другомъ. Мулла приглашается изъ мѣстной мечети. Невѣста и женихъ не присутствуютъ при настоящей брачной церемоніи, которая совершается за нихъ ихъ свидѣтелями, исключительно изъ числа мужскихъ родственниковъ. Свидѣтели со стороны невесты — ея отецъ или дядя, или кто-нибудь изъ той же фамиліи; а если этого нѣтъ, то лицо, рекомендуемое въ свидѣтели, признается настоящимъ лишь брачнымъ судьей. Если невеста невольница, то ея хозяинъ можетъ быть такимъ свидѣтелемъ. Мулла, находящійся въ одной комнатѣ съ свидѣтелями, спрашиваетъ ихъ: «Особы, которыхъ вы представляете, соглашаются ли жениться между собою? Калымъ и приданое правильно ли выданы?» Получивъ утвердительные отвѣты, онъ читаетъ сперва

молитву въ честь пророка и его послѣдователей, потомъ брачный контрактъ и затѣмъ повторяетъ молитву, которая стоитъ на первомъ мѣстѣ контракта: «Хвалимъ Господа, который дозволилъ бракъ и запретилъ всѣ прелюбодѣйныя преступленія; пусть всѣ небесныя и земныя существованія хвалятъ Магоммеда и его чистое и честное прошлое». Затѣмъ, онъ произноситъ слова: «Я совершилъ бракъ между мужчиною и женщиною, женщиною и мужчиною, согласно съ властью, которая дана мнѣ ихъ свидѣтелями, и согласно съ условіями, постановленными въ этомъ контрактѣ». Затѣмъ, мулла и свидѣтели ставятъ свои печати подъ контрактомъ, просятъ помощи Божіей и читаютъ Zatha, первую главу Корана... По окончаніи праздника брака дѣлаютъ приношенія въ мечеть и милостыню бѣднымъ людямъ.

Въ Персіи и нѣкоторыхъ другихъ мусульманскихъ государствахъ допускается бракъ временной, но въ центральной Азіи этого не позволяютъ. Есть брачныя постановленія, запрещающія бракъ кровнымъ родственникамъ. Мужъ не можетъ жениться на родственникахъ жены ни въ восходящей линіи, ни въ нисходящей; точно также сынъ не можетъ жениться на одной изъ женъ своего отца, какъ и отецъ на женѣ сына; не позволяется жениться на двухъ сестрахъ въ одно и то же время: первая должна быть разведена прежде, и только потомъ можно сдѣлать предложеніе другой; но если будетъ приобрѣтено согласіе со стороны жены, то мужъ можетъ жениться на племянницѣ своей жены.

По мусульманскому закону, каждому мужчине позволено имѣть четыре жены въ одно время, но имѣть больше нельзя безъ развода съ одной изъ прежнихъ. Богатые люди имѣютъ массу любовницъ, но женами законными онѣ не считаются... Жена обязана повиноваться мужу во всемъ и избѣгать всего, что непріятно ему; безъ его согласія она не можетъ дѣлать никакихъ договоровъ. Она имѣетъ, однако, право на пищу, на одежду, на квартиру и на содержаніе слугъ, а также на деньги для расходовъ, какіе требуются ея положеніемъ въ обществѣ: на бани, на пріемъ разныхъ посѣтителей и для пріема своихъ знакомыхъ, родныхъ и друзей. Если мужъ не исполняетъ этихъ требованій, жена имѣетъ право обращаться къ суду, къ кадямъ; этотъ судъ можетъ позволить женѣ дѣлать долги на счетъ слишкомъ расчетливаго мужа, онъ можетъ также продать имущество мужа, чтобы удовлетворить жену въ справедливыхъ требованіяхъ денегъ, которыя судъ находитъ для нея необходимыми. Она обязана также сохранять свою красоту, насколько она можетъ, и должна нравиться мужу; судъ можетъ найти и въ этомъ требованіи жены

ея право на полученіе денегъ. Кромѣ жены, мужъ обязанъ содержать своихъ дѣтей и даже своего отца и дядей, если они не могутъ содержать сами себя. Бракъ можетъ быть разрушенъ, если одна изъ сторонъ измѣнитъ магометанской религіи, или если мужъ будетъ въ отсутствіи извѣстное время, оставляя жену безъ всякихъ извѣстій о себѣ, или если мужъ сойдетъ съ ума или заболѣетъ заразительною болѣзнію... Мужъ всегда имѣетъ право развестись съ своею женою, не приводя никакихъ причинъ. Въ такомъ случаѣ онъ обязанъ возвратитъ своей женѣ всю ей принадлежащую собственность, а также и ту часть калыма или весь калымъ, если онъ его еще не отдалъ. Какъ бы то ни было, такой разводъ долженъ быть произведенъ при свидѣтеляхъ и съ соблюденіемъ извѣстной формы. Мужъ можетъ также дать разводъ женѣ по ея собственному желанію, и онъ долженъ такъ поступить, если она ему скажетъ, что хочетъ выдти замужъ за другого человѣка, который лучше его. Но если мужъ запретитъ женѣ требовать развода по ея собственному желанію, а она окажется способною дать достаточную причину, почему этотъ разводъ долженъ быть, то кадій заставитъ мужа дать женѣ разводъ. Въ случаѣ ея прелюбодѣянія, мужъ не только даетъ ей разводъ, а и проклинаетъ ее; въ этомъ случаѣ она теряетъ право выдти замужъ вторично, хотя мужъ можетъ вновь жениться на ней, давъ ей одинъ и два развода, но никогда послѣ третьяго развода. Есть нѣкоторыя выраженія пренебреженія, употребляемыя мужемъ противъ жены, которыя даютъ ей право требовать развода и позволяютъ ей предупреждать его отъ всякаго доступа къ ней, если онъ не купитъ этого права посредствомъ дара, который называется *кеффоретъ*, и посредствомъ чтенія извѣстныхъ молитвъ.

Положеніе женщины, на которую ея мужъ смотритъ какъ на орудіе своихъ наслажденій или какъ на послушную служанку для управленія его домомъ, не можетъ быть пріятнымъ, когда она можетъ быть отпущена по какой-нибудь прихоти мужа или его желанію замѣнить ее другою. Однако, если она личность съ способностями или даже кокетка, то можетъ пріобрѣсть надъ мужемъ такое вліяніе, что онъ будетъ у нея въ полномъ контролѣ, точно также, какъ это устраиваютъ жены съ своими мужьями и въ болѣе цивилизованныхъ странахъ. Какъ жена, она имѣетъ привилегію посѣщать своихъ друзей, — какъ женщина, она естественно способна собирать сплетни и скандалы, и посредствомъ своихъ исторій и бесѣдъ можетъ заставить своего мужа проводить гораздо болѣе пріятныхъ часовъ въ ея обществѣ, чѣмъ онъ проводитъ въ чужомъ дворѣ. Кромѣ этого, она можетъ

черезъ своего мужа пріобрѣсть вліяніе надъ многими людьми, и такимъ образомъ вмѣшиваться въ дѣла различнаго рода; а если мужъ будетъ помѣщенъ на высокое мѣсто, она можетъ имѣть тогда даже большое вліяніе на политику страны. Бываютъ женщины такія способныя, что ихъ мужья совѣтуются съ ними почти о всѣхъ предметахъ; но это по большей части женщины исключительныя. Исслѣдовать такіе факты трудно, такъ какъ совершенно противно мусульманскому этикету—говорить другому о своей женѣ, хотя бы они находились въ крайне близкихъ отношеніяхъ. Жены рѣдко живутъ въ хорошемъ отношеніи одна къ другой, не столько отъ ревности—такъ какъ въ такихъ дѣлахъ ревность или любовь не развиваются сильно—сколько отъ зависти къ привилегіямъ, которыми другая наслаждается, а также къ подаркамъ, которые она получаетъ. Каждый мужъ пытается на сколько возможно удерживать своихъ женъ въ отдѣльности. Жены называютъ другъ друга особымъ выраженіемъ: (кюн-дамъ) дневная сотоварка или компаньонка.

Магометанское воспитаніе въ центральной Азіи строго-религіозное. Все оно находится въ рукахъ духовенства; учительское сословіе, которое не занимается церковными дѣлами, считаетъ себя ученымъ сословіемъ, но въ дѣйствительности ихъ самихъ учили только религіи и церковному праву. Кромѣ этого, ихъ не учатъ ничему. Всѣ школы двухъ родовъ: первоначальныя школы (мактабъ), по одной въ каждомъ приходѣ, подчиненномъ мечети; коллегія (медрессѣ), гдѣ проходятъ высшую религію и юридическія науки,—такихъ коллегій 17 въ Ташкентѣ, шесть изъ нихъ большія и процвѣтающія. Изъ этихъ коллегій Куколь-Таша основана 450 лѣтъ тому назадъ. Коллегія Баракъ-хана основана 320 лѣтъ тому назадъ и имѣетъ 100 студентовъ; эта коллегія однажды была почти разрушена, но Канаятъ-шахъ, одинъ изъ генераловъ Малла-хана, завѣщаль ей огромную собственность, пріобрѣтенную имъ въ продолженіи всей своей жизни. Коллегія Бекларъ-бека, построенная 40 лѣтъ тому назадъ, одна изъ обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ; въ ея владѣніи состоятъ многія лавки и дома, кромѣ мельницъ и земель, и содержитъ 200 студентовъ... Учители мактабовъ получаютъ добровольныхъ взносовъ отъ родителей ученика по 20 и 40 копѣекъ въ годъ, и спеціальныя дары или платы передъ праздниками, бывающими два раза въ году, передъ Рураэшъ и Курбанъ-эшъ. Кромѣ того, они получаютъ по фунту хлѣба или какой-нибудь подарокъ въ каждый четвергъ... Въ медрессахъ ученики не платятъ ничего, но они, какъ и ихъ профессора, поддерживаются изъ *вакуфа*, то-есть изъ земель и соб-

ственности для религіозныхъ цѣлей. Разныя пожертвованія въ пользу мечетей и коллегій признавались въ продолженіи многихъ столѣтій дѣломъ благочестія и благотворительности; многіе посвящали свои капиталы въ продолженіи всей своей жизни на такія добрыя дѣла. И то же самое происходитъ и теперь, и будетъ происходить въ будущемъ, если не измѣнятся умственные воззрѣнія азіатскихъ народовъ, и если воспитаніе магометанскихъ дѣтей не приметъ другого направленія.

Теперь мальчики начинаютъ учиться въ первоначальныхъ школахъ на 5—6-лѣтнемъ возрастѣ, и курсъ ихъ ученія продолжается семь лѣтъ. Они начинаютъ съ азбуки, за которою слѣдуютъ нѣкоторыя части корана, затѣмъ они изучаютъ 6—7 книгъ, эти книги ихъ заставляютъ читать и списывать. Еще позже имъ даютъ читать разныя книги на персидскомъ и турецкомъ языкахъ. Первыя немногія книги они читаютъ громко всѣ въ одно время и учатся писать обыкновенными индійскими чернилами на деревянныхъ дощечкахъ въ видѣ лопаточекъ. Учитель, съ громадными очками на носу, сидитъ на одной сторонѣ, а возлѣ него лежитъ пачка книгъ, — вокругъ его сидятъ на коленяхъ мальчики, согнувшись надъ книгами, лежащими передъ ними на полу. Изъ всѣхъ книгъ, которыя они читаютъ, только одна или двѣ доступны ихъ пониманію. Ученіе начинается при восходѣ солнца и продолжается до пяти часовъ съ короткими перемѣнами для отдыха и для ѣды. Праздниковъ очень мало. Когда ученикъ начинаетъ читать коранъ, его отецъ долженъ подарить учителю платье. Окончивъ курсъ первоначальной школы, онъ переходитъ въ коллегію, гдѣ его обучаютъ церковному закону. Курсъ коллегіи дѣлится на три класса: тамъ изучается не менѣе 26 книгъ, хотя это число можетъ быть увеличено до 137; а продолжается 15 лѣтъ. Но только очень немногіе кончаютъ весь курсъ: — такіе ученые удостоиваются должностей имамовъ, приходскихъ муллъ, учителей школъ, муфтій и секретарей кадіевъ, то-есть судей. Доходы коллегіи довѣряются *мутеваламъ*, директорамъ высшей школы, которыя платятъ назначенное профессоромъ и воспитанникамъ и разнымъ слугамъ коллегіи.

Воспитанники коллегіи обыкновенно готовятъ свои уроки или дома, или въ зданіяхъ медресе. Скайлеръ присутствовалъ нѣсколько разъ на лекціяхъ профессоровъ (мударисъ) и на экзаменахъ воспитанниковъ. Профессоръ обыкновенно читаетъ изъ книги текстъ и потомъ комментируетъ его, а его слушатели разрѣшаются время отъ времени восклицаніями: ахъ, охъ! и киваютъ головою. Потомъ они дѣлаютъ свои замѣчанія и спорятъ между

собою, причемъ профессоръ тоже выражаетъ свое одобреніе тѣми же звуками. Посторонніе слушатели тоже могутъ принимать участіе въ этихъ спорахъ. Скайлеръ слышалъ двухъ муфтій, которые были такими зрителями, какъ и онъ. Споръ дошелъ до большого вдохновенія, а вопросъ, подлежащій разрѣшенію, былъ законъ о разводѣ. Когда воспитанники прекращаютъ свои споры, профессоръ формулируетъ истинную доктрину и переходитъ къ другому тексту книги. Такой методъ преподаванія имѣетъ свои преимущества, хотя продолжительныя пренія иногда о пустякахъ отнимаютъ много времени у студентовъ, и этимъ объясняется, что курсъ дѣлается такимъ продолжительнымъ. Кромѣ обыкновенныхъ медресе, есть спеціальныя: въ одномъ учатъ исключительно однимъ молитвамъ: Салиаватъ-Кана; въ другомъ изучаютъ изустно коранъ для поприща судьи: Карикъ-Кана; въ третьемъ: Маснави-Кана, — изучаютъ труды поэта Маснави.

Дѣвочки тоже учатся читать и писать, и для нихъ есть еще курсы трехъ- и четырехлѣтніе. Ихъ учатъ также шитью.

Юридическія учрежденія въ Средней Азіи двоякаго рода: 1) для осѣдлаго населенія, для городскихъ и сельскихъ людей — кади, которые судятъ на основаніи писанныхъ законовъ, по шаріату, основанному на ученіяхъ корана и введенному въ турецкія племена центральной Азіи вмѣстѣ съ магометанскою вѣрою; 2) для кочевыхъ племенъ служатъ судьями «біе», которые судятъ на основаніи неписанныхъ преданій и обычаевъ — *адатъ*. Хотя эти преданія не написаны и не формулированы, но они извѣстны всѣмъ, какъ чистое произведеніе національной жизни, безъ всякой примѣси иностраннаго вліянія, и во многихъ отношеніяхъ стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ ученіями мусульманскаго законодательства. Самою характеристичною чертою этого обычнаго права является то, что оно не отличаетъ гражданскихъ преступленій отъ уголовныхъ, оно относится ко всѣмъ преступленіямъ какъ къ простымъ отношеніямъ между собою, — его наказанія имѣютъ цѣлью удовлетвореніе обиженной стороны. Біи, это — посредникъ, свѣдущій человѣкъ въ обычаяхъ своего народа, онъ не стѣсненъ въ приговорахъ никакими формальностями. Судъ происходитъ устно, никакихъ отчетовъ не записываютъ, и рѣшенія дѣлаются безапелляціонно. Біи, до 1869 года, до введенія среди русскихъ киргизовъ выборныхъ судей, не были постоянными судьями, но избирались на каждый случай; въ бѣльшей части случаевъ разъ избранный человѣкъ, оказавшійся справедливымъ и честнымъ во мнѣніи мѣстнаго населенія, судилъ до тѣхъ поръ, пока его терпѣли. Иногда киргизы отдають свой споръ первому пришед-

шему во время спора. Скайлеру рассказывали объ одномъ русскомъ казакѣ, приходившемъ ежегодно ловить рыбу въ озерѣ Иссыкъ-Куль. Познакомившись съ киргизами, онъ пріобрѣлъ у нихъ такую репутацію честнаго судьи, что они его признали своимъ біемъ и стали платить ему за его приговоры; многія дѣла оставались нерѣшенными, пока не приходилъ казакъ. Наши власти до послѣдняго времени не трогали учрежденія біевъ, и все шло хорошо. Съ тѣхъ поръ, какъ у насъ задались системою обрусенія, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что ее нашли нужнымъ вносить и въ киргизскіе народы. И вотъ, у киргизовъ явились и волостныя правленія, и выборы волостныхъ старостъ, и апелляціонный судъ въ видѣ волостного суда, но кончилось все это тѣмъ, что несчастные киргизы попали въ руки странствующимъ татарскимъ мулламъ, которые умѣли читать и писать по-русски, и потому могли служить писарями и даже переводчиками между киргизами и русскими. Какъ всякое нововведеніе, оно, разумѣется, сначала пошло и криво, и косо, и смутило невѣжественныхъ киргизовъ: они отвѣчали сопротивленіемъ власти, но ихъ усмирили. Среднеазіатскіе узбеки въ своихъ земледѣльческихъ кланахъ отказались отъ шаріата и до сихъ поръ остаются при своемъ узбекскомъ *чиликѣ*, особенно въ семейныхъ дѣлахъ. Точно также въ области Шарисабса мусульманскаго закона не было; тамъ управляли два бега: Юра и Баба, и они служили біями и не хотѣли платить дани бухарскому хану, эмиру Насруллаху, страшному фанатику мусульманства. Ханъ изгналъ беговъ и занявъ Шарисабсъ ввелъ своихъ чиновниковъ и кадіевъ съ шаріатомъ.

Кадіи назначаются ханами и бегамъ; каждый кадій судитъ отдѣльно, и всѣ, кто хочетъ судиться у кадія, выбираетъ себѣ того, кому онъ больше довѣряетъ. Въ большихъ селеніяхъ и городахъ есть кадій-каліанъ, предсѣдатель всѣхъ кадіевъ города или селенія. И въ этихъ судахъ все происходитъ устно, но приговоръ судьи и документальныя улики записываются въ особенныя книги *муфтіями*, секретарями кадіевъ, и припечатываются офиціальными печатами кадія. Ссылки на такіе приговоры очень часто дѣлаются алыямасами, которые приставлены къ кадіямъ въ качествѣ совѣтниковъ. Область юридическихъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію кадіевъ — гражданскія дѣла и мелкія уголовныя; крупныя уголовныя дѣла подлежатъ рѣшенію беговъ. Недовольные рѣшеніемъ обращаются съ апелляціонною жалобою къ мѣстному бегу, который въ иныхъ случаяхъ оставляетъ эти жалобы безъ всякихъ послѣдствій, а случается и такъ, что онъ созываетъ всѣхъ кадіевъ

данной мѣстности для изслѣдованія дѣла. Въ сессію 1863 года въ Ташкентѣ президентомъ былъ кадій-каліанъ, онъ пользовался большимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ ему подчиненныхъ; — въ бѣльшей части случаевъ всѣ кадїи считаютъ своимъ долгомъ, не только въ силу опытности и знаній главнаго кадїа, но и по собственному желанію, быть съ нимъ въ хорошихъ отношенїяхъ. Только смертныя и тяжкія наказанїя посылаются на утвержденїе бега.

Когда русскїе заняли Ташкентъ и стали составлять правила для управленїа городомъ, генераль Черняевъ счелъ нужнымъ оставить туземные суды неприкосновенными. Ясно, что, имѣя дѣло съ мусульманами, отмѣнить мусульманскую юрисдикцію, на примѣръ, по такому важному дѣлу, какъ бракъ, едва ли возможно, не пренебрегая ихъ религіозными чувствами. Въ 1864 году, сэръ Джонъ Лоренсъ, пуританинъ по своимъ убѣжденїямъ, губернаторъ Остѣ-Индїи, задумалъ уничтожить кадїевъ у мусульманскихъ подданныхъ; это произвело сильное неудовольствїе среди мусульманъ, и именно тѣмъ, что безъ кадїевъ всѣ брачныя дѣла пришли въ полное разстройство. Спустя три года, королева Викторїа смѣнила губернатора Остѣ-Индїи, послѣ огромнѣйшей полемики не только въ мусульманской остѣ-индской прессѣ, но и въ англїйской прессѣ, и въ англїйскомъ парламентѣ. Распоряженїе губернатора, такимъ образомъ, осталось безъ всякихъ послѣдствїй, и было потомъ совсѣмъ отмѣнено. Въ Россїи были другого рода примѣры на Кавказѣ и въ Крыму: тамъ кадїи были удержаны, но право аппеляціи на рѣшенїа кадїевъ въ русскїй судъ было распространено и на мусульманъ. Такимъ образомъ, важность суда кадїевъ постепенно уменьшалась въ глазахъ мусульманъ Кавказа и Крыма, но тѣмъ не менѣе во всѣхъ семейныхъ и брачныхъ дѣлахъ кадїи остались въ полной силѣ. Въ Средней Азїи, со вступленїемъ въ должность военнаго генераль-губернатора съ особенными полномочїями — фонъ-Кауфмана, должность кадїа-каліана была уничтожена. Всѣ кадїи уравнены между собою, и туземные жители, живущїе въ округѣ каждаго кадїа, обязаны судиться у него во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, не выше ста рублей, и въ уголовныхъ — меньшей степени; въ важныхъ же дѣлахъ уголовныхъ и въ гражданскихъ всѣ туземцы должны обращаться въ русскїе суды. Положено устраивать сѣзды всѣхъ кадїевъ въ каждомъ округѣ, и дано право апеллировать въ эти сѣзды на отдѣльныхъ кадїевъ обѣимъ сторонамъ, — и русскимъ, и туземцамъ; но, сверхъ того, можно обжаловать и приговоръ общаго сѣзда кадїевъ въ русскихъ судахъ. Отъ должности ка-

дія не требуется никакихъ особенныхъ юридическихъ качествъ, кромѣ хорошей репутаціи отъ мѣстныхъ жителей, 25-ти лѣтъ отъ роду, — и не быть ни обвиненнымъ, ни осужденнымъ ни въ какомъ судѣ. Со стороны правительства не полагается никакого жалованья, но дозволено избирателямъ, которые его выбираютъ, назначать ему жалованье, или позволять ему получать плату за наложеніе печатей.

Въ городѣ Ташкентѣ въ первое время русскаго господства и послѣ наступленія правленія генерала Кауфмана было четыре кадія, рѣшенія которыхъ были вообще одобрены, и въ русскіе суды поступило очень мало жалобъ; но послѣ второго выбора были уже случаи, что кадіевъ обвиняли въ вымогательствѣ взятокъ и несправедливости приговоровъ, такъ что нѣкоторыхъ изъ нихъ удалили съ мѣстъ. Но въ одномъ случаѣ кадій оказался замѣшаннымъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми русскими чиновниками, въ спекуляціяхъ землею; пользуясь однако покровительствомъ чиновниковъ, онъ продолжалъ исполненіе суда надъ недовольными имъ избирателями, и это недовольство дошло до того, что избиратели грозили возстаніемъ: тогда только кадій былъ смѣненъ.

Когда судъ кадія происходитъ между мусульманами только, то въ ихъ показаніяхъ много значить клятвы. Кадій никогда не подозрѣваетъ ни обмана, ни злости въ дѣйствіи обвиняемаго, пока дѣйствіе не доказано какимъ-нибудь фактомъ или свидѣтельствами другихъ. Если въ судѣ передъ кадіемъ защищающійся не допускаетъ справедливости въ жалобѣ жалующагося, онъ обязанъ или привести свидѣтелей съ своей стороны, или принять присягу въ доказательство, что жалоба несправедлива. Если онъ приметъ присягу, — его освобождаютъ. Есть случаи, когда защищающійся имѣетъ право требовать къ присягѣ жалующагося, что онъ неправильно составилъ свою жалобу. Если тотъ присягнетъ, дѣло рѣшается въ его пользу. Если защищающійся безусловно требуетъ, чтобы его обвинитель принялъ присягу, а самъ отказывается принять ее, послѣ троекратнаго предложенія со стороны кадія, то дѣло рѣшается противъ него. Страхъ принять ложную присягу такъ великъ у мусульманъ въ ихъ общихъ сношеніяхъ между собою, что требованіе клятвы отъ кого-нибудь считается оскорбленіемъ, и часто обвинитель, хотя онъ вполне убѣжденъ, что его требованіе справедливо, предпочтетъ потерять процессъ, чѣмъ уронить свое достоинство въ собственныхъ глазахъ и своихъ друзей произнесеніемъ клятвы въ защиту своей чести или жалобы. Скайлеръ, говоря о честности мусульманъ между собою, прихо-

дѣть къ такому заключенію: «надо отдать имъ справедливость, что они проявляютъ во всѣхъ своихъ взаимныхъ сношеніяхъ огромное довѣріе и что судебныя тяжбы между ними далеко не такъ обыкновенны, какъ въ большинствѣ цивилизованныхъ націй».

Главный принципъ магометанской религіи, отличный отъ всѣхъ другихъ, это—безусловное единство Бога. Но въ коранѣ, кромѣ религіозныхъ доктринъ, повторяемыхъ во многихъ формахъ, есть еще рядъ правилъ относительно ежедневной жизни и дѣятельности, и даже для политическихъ отношеній. Эти правила, какъ мы видимъ изъ жизни магометанъ, постоянно напоминаютъ о разныхъ обрядахъ, и цѣлый день побуждаютъ мусульманина къ религіознымъ представленіямъ и наставленіямъ. Такимъ образомъ, долгъ каждаго мусульманина не только вѣрить въ ученіе ислама, но еще совершать всѣ внѣшнія обрядности, молитвы, посты, которые налагаются духовными учителями, и слушать молитвы въ мечети непременно по пятницамъ. Какъ въ большинствѣ восточныхъ странъ, такъ и въ ранней христіанской церкви день считался отъ одного солнечнаго захожденія до другого. 300 мечетей въ Ташкентѣ были всегда наполнены въ четвергъ вечеромъ и въ пятницу утромъ, особенно для молитвы 11-го часа; послѣ нея остаются въ мечети лишь немногіе привычные ежедневные посѣтители ихъ, такъ какъ между мусульманами присутствовать ежедневно въ церкви считается дѣломъ похвальнымъ. Мечети — небольшія продолговатыя зданія, открытыя на улицу только съ одной стороны; передъ этимъ входомъ есть большой портикъ, стѣна котораго обращена во входъ по направленію къ Меккѣ, и по этому направленію стоитъ въ мечети *кибля*, въ подражаніе меккской *каабъ* — жертвеннику. Внутренность мечети обыкновенно лишена всякаго украшенія, — иногда тамъ налѣплены грубыя литографіи или печатные листки, присылаемые, вѣроятно, изъ Индіи и представляющіе свята зданія Мекки съ писаными описаніями и объясненіями. По временамъ на стѣну налѣпливаютъ изукрашенныя буквы извѣстныхъ текстовъ и сентенцій изъ корана. На землѣ каждой мечети есть свой прудъ для употребленія тѣхъ моельщиковъ, которые не имѣли случая совершить свои омовенія дома. Въ каждой мечети есть одинъ *имамъ* или приходскій священникъ, который говоритъ молитвы, и *сюфи* — нѣчто въ родѣ діаконівъ у христіанъ. Имамы получаютъ добровольныя приношенія отъ обывателей прихода во время рамазана, но сюфи только остатки отъ праздника и плащъ въ плату за умываніе мертвыхъ. Оставивъ свои башмаки у двери, мусульмане, молодые и старые, идутъ на свои мѣста и разсти-

лаютъ на полу принесенный ими коверъ, такъ какъ при молитвахъ моельщикъ долженъ стоять на совершенно чистой ткани, и, если можно, то на чемъ-нибудь принадлежащемъ ему самому. Когда моленіе началось, они не должны думать ни о чемъ другомъ и все свое вниманіе обратить на молитву. Тѣлодвиженія и молитвы въ центральной Азіи тѣ же самыя, которыя употребляются во всѣхъ суннитскихъ странахъ, съ нѣкоторыми слабыми измѣненіями въ положеніи рукъ или въ манерѣ поклона. Тутъ можно замѣтить — даже скорѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ — глубокое религіозное рвеніе, которое, повидимому, проникаетъ всѣхъ. Вошло въ обычай у моельщиковъ становиться на колѣни или просто стоять другъ подлѣ друга въ правильной линіи въ мечети или портикѣ, и они не позволяютъ никому вводить какія-нибудь перемѣны въ такомъ священномъ мѣстѣ, какъ церковь. Это было бы нарушеніемъ принципа равенства, который постоянно руководитъ мусульманами въ ихъ жизни.

Скайлеръ припоминаетъ случай неравенства въ мечети, который причинилъ толки въ одномъ приходѣ въ Ташкентѣ, въ которому принадлежалъ Саидъ-Азимъ, весьма ловкій интриганъ въ торговыхъ дѣлахъ, выучившійся русскому языку на ярмаркахъ въ Троицкѣ и въ Оренбургѣ. Пріѣхавъ обратно въ Ташкентъ, онъ увидѣлъ, какъ нѣкоторые сарты и татары пріобрѣтали своимъ знаніемъ русскаго языка большой почетъ у русскихъ властей, въ качествѣ переводчиковъ и посредниковъ, — онъ сдѣлалъ то же, но только съ другими намѣреніями: посредствомъ вѣжливости и лести съ оффиціальными крупными людьми, онъ создалъ себѣ хорошее положеніе среди нихъ, и вообще сталъ держаться съ ними въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, дѣлая разныя услуги. Онъ постоянно жилъ въ долгахъ, но одѣвался богато и ѣздилъ верхомъ на великолѣпной лошади. Онъ вошелъ въ дѣло провіантскихъ контрактовъ и исполнялъ ихъ съ большою аккуратностью, хотя для этой цѣли онъ сильно задолжался. Такимъ образомъ, онъ скоро сталъ посредникомъ между туркестанскимъ правительствомъ и туземцами, которыхъ онъ обманывалъ и бралъ съ нихъ большія взятки по казеннымъ подрядамъ, угрожая постоянно своимъ вліяніемъ у русскихъ властей. Самъ Скайлеръ потерпѣлъ отъ него, такъ какъ, благодаря дружбѣ Саида-Азима съ вице-губернаторомъ Ташкента, праздникъ, который хотѣли сдѣлать сарты и молодой купецъ Азимъ-бей въ честь Скайлера, превратился въ простой обѣдъ. Когда мы вернулись съ хивинской экспедиціи, Саидъ-Азимъ задалъ такой пиръ, съ такими увеселеніями и танцами, которые сильно опозорили его въ общемъ

мѣнѣи ташкентскихъ туземцевъ. Но ставъ въ отличное положеніе съ вліятельными русскими лицами, которыя конечно не особенно дорожатъ мусульманскими обычаями, Саидъ-Азимъ пожелалъ показать, что онъ и въ самой мечети можетъ проявить свою важность. Онъ видалъ, какъ у насъ знатные люди становятся на первомъ мѣстѣ, а потому, придя въ мечеть своего прихода, сталъ впереди всѣхъ. Имамъ сказалъ ему, что онъ не на своемъ мѣстѣ, но Саидъ-Азимъ все-таки продолжалъ стоять не въ одной линіи съ другими. Когда служба окончилась, имамъ выразилъ ему въ болѣе суровыхъ выраженіяхъ свое негодованіе и пригрозилъ ему, что онъ можетъ изгнать его изъ прихода. Всѣ прихожане приняли сторону имама, и съ того времени Саиду-Азиму не оставалось ничего, кромѣ подчиненія своему приходу — или не ходить въ мечеть.

Исламъ имѣетъ свои религіозные ордена, монастырскіе и немонастырскіе, которые, хотя подвержены менѣе строгой дисциплинѣ, чѣмъ монастырскія братства христіанской церкви, но больше по своему числу и выше по вліянію на народный умъ. Къ одному изъ такихъ различныхъ орденовъ принадлежатъ дуване или дервиши, которыхъ такъ часто видишь въ городахъ центральной Азіи. Въ Ташкентѣ они запрещены, какъ люди, опасные для общественнаго порядка, — ихъ проповѣди и возбужденія бываютъ часто мятежнаго характера, въ ихъ восторженныхъ изліяніяхъ высказываются иногда серьезныя призывы къ истребленію гяуровъ. Въ Ходжентѣ и Бухарѣ имъ свободнѣе. Въ монастырскихъ братствахъ (сулгукъ) есть лица всѣхъ состояній; они вѣрятъ въ мистическія начала своего ордена, какъ въ самый вѣрный путь къ спасенію. Такія братства существуютъ и въ Ташкентѣ; ихъ тамъ пять: Накшбанди, Хуфіа, Яхріа, Кодріе и Чистіа, — послѣднее, однако, имѣетъ всего болѣе приверженцевъ въ Ходжентѣ и Коканѣ. Трудно опредѣлить ихъ происхожденіе и время основанія, такъ какъ каждое изъ этихъ братствъ имѣетъ свою отдѣльную легендарную исторію, въ которую оно строго вѣритъ, и каждое изъ нихъ имѣетъ своимъ покровителемъ своего святого. Накшбанди, напримѣръ, считаетъ своимъ покровителемъ Бага-Уддина, знаменитаго святого Бухары. Яхріа — Газрета-Ясави, прославившагося святостью; онъ похороненъ въ городѣ Туркестанѣ. Каждое братство имѣетъ свой методъ и пріемъ для достиженія вѣчнаго блаженства, для очищенія своей души и для достиженія вѣчнаго счастья. Братство Хуфіа вѣритъ, что его духовное очищеніе можетъ быть пріобрѣтено въ молчаніи, а Кодріе предпочитаетъ достиженіе вѣчнаго счастья посредствомъ

упражненій голоса и громкими криками. Накшбанди, по своимъ правиламъ, много отличается отъ другихъ, — тутъ всѣ живутъ какъ монахи. Братство Яхріа имѣетъ ежедневныя службы въ разныхъ мѣстахъ Ташкента: каждое воскресенье до утра понедѣльника въ мечети Ишанъ-Ходжа, а въ понедѣльникъ отъ восьми часовъ утра до двухъ часовъ послѣ полудня въ мечети Ходжа-Акранъ; — съ девяти часовъ вечера, въ четвергъ, до пяти или шести утра въ пятницу, служба происходитъ въ мечети Ишанъ-Сагибъ-Ходжа, вблизи базара Урда, гдѣ Скайлеръ смотрѣлъ ихъ церемоніи и записалъ слѣдующія сцены.

— Около десяти часовъ вечера, въ четвергъ, я, въ компаніи моихъ друзей, отправился въ эту мечеть, и насъ приняли безъ всякихъ вопросовъ. Здѣсь, въ Ташкентѣ, русскіе не имѣютъ никакихъ затрудненій входить въ каждую мечеть, и ихъ не просятъ снимать свои сапоги; вѣжливость туземцевъ къ русскимъ людямъ доходитъ до такой высокой степени, что они молчатъ и тогда, когда русскіе курятъ папиросы и сигары во время богослуженія въ мечети...

— Когда мы вошли, въ мечети стояли на колѣняхъ впереди *киблеза* (человѣкъ тридцать), молодые и старые, читавшіе молитвы съ громкими криками и съ сильными движеніями тѣла, а вокругъ нихъ былъ кругъ въ два или въ три ряда, и тутъ дѣлали тѣ же движенія. Мы стали въ одномъ углу и наблюдали, что происходило передъ нами. Наибольшая часть этихъ исполнителей сняли съ себя свои плащи и чалмы, такъ какъ ночь была теплая, а движенія были сильныя. Они повторяли такія фразы: «Моя защита—это Богъ. Да будетъ прославленъ Аллахъ. Въ моемъ сердцѣ нѣтъ ничего, кромѣ Бога. Мой свѣтъ, Могаммедъ, Богъ благослови его. Нѣтъ Бога, есть Аллахъ»... Эти фразы они пѣли на разные полумузыкальные мотивы низкимъ голосомъ, и сопровождали ихъ сильнымъ движеніемъ головы надъ лѣвымъ плечомъ къ сердцу, потомъ назадъ, потомъ къ правому плечу, и, наконецъ, внизъ, какъ-бы направляя всѣ движенія къ сердцу. Эти тексты были повторены сотни и сотни разъ, и такой кругъ обыкновенно продолжался часъ или два, хотя онъ зависитъ отъ воли ишана, который руководилъ всѣми исполнителями. Сперва движенія были медленныя, но постоянно увеличивались въ быстротѣ, такъ что исполнители становятся неспособными выдерживать долѣе. Если кто-нибудь изъ нихъ устанетъ до-нельзя или станетъ убавлять свои движенія, то ишанъ, управляющій этими движеніями, бьетъ такихъ по головѣ или выбрасываетъ вонъ изъ круга и замѣняетъ другими изъ второго или третьяго ряда.

Когда исполнитель падаетъ безъ чувствъ отъ усталости и постоянного крика, то сейчасъ же являются другіе на его мѣсто. Когда ихъ голоса становятся совершенно хриплыми, и когда, наконецъ, они начинаютъ кричать: «живи, Аллахъ безсмертный» (Гей, гей, аллахъ, гей!), сперва медленно и съ наклоненіемъ тѣла къ землѣ, тогда ритмъ дѣлается все быстрѣе и въ кадансѣ тѣло становится все болѣе и болѣе вертикальнымъ, пока всѣ не станутъ прямо. Тогда движеніе и крики увеличиваются въ быстротѣ, и каждый исполнитель кладетъ свою руку на плечо сосѣда, образуя такимъ образомъ нѣсколько концентрическихъ круговъ, и они движутся въ массѣ съ одной стороны на другую по всей продолговатой мечети, прыгая кругомъ съ криками: «Гей, аллахъ, гей!» Съ этого времени вся эта сцена дѣлается чѣмъ-то дикимъ и ужаснымъ, — зрители нервные не могутъ переносить ее, и изъ моихъ друзей двое принуждены были уйти изъ мечети. Хотя я былъ достаточно равнодушенъ, и видѣлъ скорѣе смѣшную сторону въ этомъ кривляньи, чѣмъ ужасную, но я не могъ, однако, отдѣлаться отъ впечатлѣнія, что эти братства были просто какіе-то умалишенные, чувства у которыхъ совершенно независимы отъ ихъ собственной воли. Наконецъ, они вполнѣ лишились своихъ чувствъ, и съ прежними криками бросились въ бѣшеный танецъ. Но когда исчезли всѣ ихъ физическія силы, они усѣлись вокругъ и погрузились въ молчаливое созерцаніе, а ишанъ читалъ молитву. Послѣ молитвы было патетическое чтеніе изъ поэта Гафиза о трогательномъ эпизодѣ въ жизни одного изъ святыхъ, но бывають и размышленія о смертности человѣка или объ огняхъ геенны. Переливы голоса были весьма замѣчательные и сопровождались часто очень странными жестами, — рука или книга прилагалась часто ко рту для того, чтобы выбрасывать голосъ, какъ можно дальше. Часто такія повѣствованія представляютъ собраніе словъ безъ всякаго значенія, но, несмотря на то, они производятъ на слушателей такое же впечатлѣніе, какъ и на исполнителей: и слушатели кричатъ тоже непонятныя слова: хи, хо, очь-очь, бо-ба! выпускають стоны и вздохи, плачутъ, бьютъ въ свою грудь кулаками и падаютъ на землю. Когда кончается одинъ гафизъ, начинается другой, и за нимъ слѣдуетъ другая молитва ишана, прерываемая отъ времени до времени то пѣснью братства: «Я гей я, Аллахъ!» или: «Аллахъ Окбаръ!» то жестами и ударами по лицу и бородѣ, а слова безмолвно повторяются про себя. Потомъ крики и движенія начинаются снова, за ними танцы, пока, наконецъ — и крики, и движенія, и танцы, все сливается въ одно, и каждый членъ общества пытается перекричать

голоса другихъ до тѣхъ поръ, пока не настанетъ новое утомленіе, и молчаніе опять воцаряется; такъ попеременно они то кричатъ, и поютъ, и танцуютъ, то молчатъ до утра. Если крики были самыми громкими и движенія самыми сильными, ишанъ остается совершенно довольнымъ и даже спрашиваетъ васъ, поправилось ли вамъ? Эту секту мусульманъ русскіе администраторы въ Ташкентѣ тоже хотѣли уничтожить, какъ самую фанатичную въ центральной Азіи...

Мусульманская религія въ центральной Азіи требовала, чтобы нарушеніе обрядностей религіи подвергалось строгимъ наказаніямъ: и въ Коканѣ, и въ Бухарѣ были прежде особые туземные чиновники, называемые рейсами, долгъ которыхъ заключался въ томъ, чтобы они слѣдили за всѣми гражданами, которые, бывъ увлечены своими дѣлами, совершенно забывали о посѣщеніи мечетей. Такимъ рейсамъ дали право понуждать всѣхъ такихъ гражданъ присутствовать въ мечетяхъ, и рейсы эти поэтому могли даже выгонять людей изъ ихъ собственнаго дома, отнимать ихъ отъ работы и даже закрывать ихъ лавки. Когда русскіе заняли Ташкентъ, они уничтожили этихъ рейсовъ, какъ людей совершенно вредныхъ въ общественномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Съ тѣхъ поръ мечети опустѣли, и, какъ говорятъ, теперь въ мечетяхъ нѣтъ и половины того числа молящихся прихожанъ, какое было прежде. Ежедневныя омовенія и молитвы исчезаютъ совершенно изъ употребленія у мусульманъ.

Г-ну Скайлеру кажется, что русскій офиціальный людъ въ Туркестанѣ слишкомъ злоупотребляетъ словомъ «фанатизмъ» въ примѣненіи къ разнымъ явленіямъ магометанской религіи: въ каждомъ муллѣ и дервишѣ они видятъ какого-то страшнаго фанатика, готоваго всегда подстрекать туземцевъ къ избіенію гяуровъ, какъ потому, что въ нихъ проникъ духъ касты, такъ и потому, что они всегда готовы преслѣдовать собственный общій интересъ, какъ особеннаго сословія. Но развѣ не то же проявляется и въ христіанскихъ государствахъ, когда дѣло идетъ объ интересахъ церкви исключительно, какъ отдѣльной корпорации: тогда духовные готовы разрушить даже самое государство, еслибъ они могли. Папство, константинопольскій православный патріархатъ и мусульманство, всѣ они имѣютъ въ виду одинъ интересъ, и въ этомъ нѣтъ ничего особеннаго. Съ ними, разумѣется, слѣдуетъ бороться, но только не насильственными средствами. И пусть себѣ будутъ фанатиками муллы и дервиши, нужно отдѣлять отъ нихъ народную массу, въ которой фанатизма никакого нѣтъ. Все остальное населеніе въ централь-

ной Азіи хотя и предано своей религіи, но фанатизмъ у него можетъ быть только мнимый, не имѣющій въ себѣ ничего реальнаго. Простой народъ и всѣ другія сословія преслѣдуютъ грѣхи въ другихъ, но своихъ не видятъ; каждый человѣкъ знаетъ свои слабости, но продолжаетъ предаваться имъ, лишь бы другіе ничего не видѣли, а сами всегда рады кого-нибудь уличить и наказать. Если мы не преслѣдуемъ магометанства въ Россіи, и назначаемъ общаго муфтія магометанства, имѣющаго свою резиденцію въ Уфѣ и принадлежащаго къ русскому дворянству по своему происхожденію, то съ какой стати преслѣдовать мусульманство въ Туркестанѣ; этого, разумѣется, нѣтъ въ Ташкентѣ, гдѣ самъ генераль-губернаторъ Кауфманъ запретилъ миссіонерскую пропаганду среди туземцевъ. Во время холеры 1862 кадіи и важнѣйшіе изъ туземцевъ-жителей Ташкента обратились къ правительству съ просьбою о прекращеніи пляски мальчиковъ по улицамъ и разныхъ другихъ обычаевъ, несогласныхъ съ постановленіями религіи. Они желали также, чтобы русскія власти принудили ташкентскихъ мусульманъ идти въ мечети молиться о ниспосланіи милости Бога на ихъ страну. Разумѣется, русскія власти не согласились принуждать магометанъ; но музыку и пляску мальчиковъ они запретили, такъ какъ такіа зрѣлища всегда собираютъ около себя огромную толпу зрителей, а большія собранія людей могутъ увеличить распространеніе такой эпидемической болѣзни, какъ холера. Такъ было объяснено рѣшеніе правительства.

Прежнія холеры были въ центральной Азіи одновременно съ Европою: въ 1832 и въ 1848—49 гг. Холера прежде всего зарождается въ Персіи, такъ какъ въ Персіи очень часто бываютъ большіе голода. Доктора въ центральной Азіи — софты; въ своемъ леченіи они придерживаются предписаній весьма распространенной въ азіатскихъ городахъ медицинской книги, которая называется «Тукпатуль Мумининъ». Эта книга поучаетъ, что всѣ люди принадлежатъ къ четыремъ темпераментамъ, и что леченіе болѣзни должно согласоваться съ этими темпераментами. Опредѣливъ вашъ темпераментъ и соединивъ его съ припадками вашей болѣзни, докторъ вынетъ изъ кармана или изъ шарфа, который служитъ ему поясомъ, свернутыя бумажки съ лекарствами, и даетъ принимать внутрь въ двухъ формахъ: въ порошкахъ и декоктахъ. Самъ докторъ всегда пробуетъ лекарство, чтобы пациентъ не опасался отравленія. Профессоръ Драгендорфъ, бывшій въ Туркестанѣ, нашелъ, что и въ центральной Азіи, какъ во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, существуютъ лекарства тѣхъ

арабовъ, которые завоевали центральную Азію въ VII вѣкѣ. Изъ 226 растительныхъ лекарствъ, которыя изслѣдовалъ докторъ Драгендорфъ, 210 были извѣстны современникамъ великаго арабскаго врача Эбнъ Баітара, и 172 изъ нихъ были открыты Діоскоридесомъ и Галеномъ. 12 лекарствъ получаютъ изъ Китая и 62 изъ Остъ-Индіи, 71 растетъ дико въ центральной Азіи или культивируется въ Ташкентѣ, 50 въ Самаркандѣ и Бухарѣ, и нѣсколько другихъ привозятъ изъ Хивы, Кокана и Афганистана, 7 изъ Персіи, 6 изъ Аравіи и Турціи, одно изъ Египта и 4 изъ Европы; эти послѣднія уже давно привозились русскими купцами и продавались имъ дешевле и лучшаго качества.

Когда умираетъ человѣкъ въ центральной Азіи, трупъ его вымываетъ женщина, называемая *киранда*; всѣ заботы о трупѣ возлагаются на нее, и она же оплакиваетъ покойнаго во время похоронной церемоніи. Хоронятъ какъ можно скорѣе, обыкновенно въ тотъ же самый день. Послѣ омыванія его одѣваютъ, покрываютъ саваномъ, кладутъ трупъ въ наклонномъ положеніи, съ руками прямо вытянутыми по обоимъ бокамъ тѣла, и связываютъ его кругами длиннымъ бандажемъ, который у богатыхъ сдѣланъ изъ шелковой матеріи. Въ Ташкентѣ молитва дается въ домѣ муллою, но въ Шарисабсѣ и Бухарѣ тѣло, которое лежитъ на носилкахъ, снабженныхъ сверху соломенною крышкой, и даже покрыто богатымъ сукномъ, несется въ мечеть, гдѣ и совершается похоронная служба. Если покойникъ — женщина, — живой женщинѣ не позволяется появляться въ мечети, — ее также отпѣваютъ. Когда тѣло несутъ на кладбище, за нимъ слѣдуютъ женщины, плачущія и испускающія разные вопли въ похвалу покойнаго и для выраженія сожалѣнія о его смерти. Тѣло останавливается передъ каждой мечетью, мимо которой оно несется, и къ нему вызывается мулла, котораго просятъ помолиться за усопшаго. Могила готовится заранѣе и состоитъ изъ глубокаго рва, на одномъ концѣ котораго вырытъ подземный покой. Когда носилки поднесены ко рву, тѣло — гроба нѣтъ — валяютъ внизъ и пихаютъ въ пустой покой вмѣстѣ съ кувшиномъ воды, изъ котораго мыли этотъ трупъ. Затѣмъ ровъ наполняется землею, и накладывается земляной валъ. Въ большинствѣ случаевъ вотъ все, что нужно; иногда всунуть палку для мѣтки; у другихъ такая могила дѣлается квадратною или продолговатою, и облагается со всѣхъ сторонъ кирпичами, утрамбованными съ жирною глиною, въ разныхъ формахъ, и иногда съ павильономъ или съ часовнею надъ могилою. Часто ставятъ маленькую лампу на могилу, а иногда и предметы, принадлежавшіе покойнику,

напримѣръ, колыбель умершаго ребенка. Кладбища въ городахъ устраиваются въ большей части случаевъ за городскимъ валомъ и представляютъ весьма печальный видъ, такъ какъ не видно, чтобы кто-нибудь украшалъ ихъ, даже зелени никакой нѣтъ. Женщины обязаны ходить въ траурѣ въ продолженіи одного года, въ тотъ же годъ онѣ обязаны являться надъ могилою на седьмой день послѣ похоронъ, потомъ на сороковой день, на полугодовой и въ день смертнаго дня, и тамъ плакать и выть.

V.

Посмотримъ теперь, какъ живутъ русскіе въ Ташкентѣ, по наблюденіямъ г-на Скайлера.

Дворецъ генералъ-губернатора въ Ташкентѣ самое лучшее зданіе изъ всѣхъ: онъ очень великъ, покрытъ желѣзною крышею и построенъ въ огромномъ саду, который весьма красиво снабженъ холмами, деревьями, цвѣтами, прудами, каналами и даже водопадами. Здѣсь три вечера въ недѣлю играетъ военный оркестръ музыки, и садъ открывается для посторонней публики. На это время садъ обращается въ мѣсто свиданія всѣхъ русскихъ и городскихъ туземцевъ, — особенно сарты любятъ музыку. Близъ дворца генералъ-губернатора есть большой новый фортъ, построенный для охраненія города, на верху котораго разставлены тяжелыя пушки и большой гарнизонъ... Есть въ городѣ, конечно, общепринятое число правительственныхъ зданій, безъ которыхъ немыслимъ ни одинъ русскій городъ. Есть небольшая русская церковь и въ то время былъ положенъ фундаментъ для огромнаго каменнаго кафедральнаго собора, хотя русскихъ въ городѣ не болѣе 3,000, если не считать 6,000 гарнизона. Миссіонеры здѣсь запрещены. Маленькая церковь вполне удовлетворяетъ настоящей потребности, но находится въ такомъ положеніи, которое указываетъ на необходимость ремонта. Русскіе ходятъ въ церковь не въ большомъ числѣ и не часто; такая небрежность удивляетъ набожныхъ мусульманъ. Новому русскому собору здѣсь будутъ угрожать землетрясенія, впрочемъ они бывають лишь изрѣдка сильными. Когда г. Скайлеръ былъ въ Ташкентѣ, въ тотъ день было три удара въ пять часовъ утра: стѣны дрожали, картины падали, и даже мелкіе предметы сбрасывались на полъ.

Въ Ташкентѣ нѣтъ собственно отеля, но есть одно или два мѣста, какъ Громовское напримѣръ, съ меблированными комнатами

и со столомъ; впрочемъ, оба эти мѣста грязны и неудобны. Есть порядочный ресторанъ поляка Жизлуцкаго, и у него двѣ или три комнаты для прїѣзжихъ. Рынокъ въ Ташкентѣ такой же, какіе устраиваются во всей Россіи. Мяса мало и дурное, но баранины изобиліе, дешевая и вкусная. Прежде жаловались на недостатокъ въ картофелѣ; но гдѣ заживутся русскіе солдаты, тамъ непременно растетъ капуста, а за капустою являются и другія овощи, такъ что теперь обиліе всѣхъ огородническихъ произведеній. Дичи тоже въ обильномъ количествѣ, но рыба рѣдкость, такъ какъ рѣка Сыръ, которая изобилуетъ осетрами, до сихъ поръ остается безъ ловли. Отличные фрукты всякаго рода очень дешевы. Скайлеръ слышалъ жалобы на затрудненія въ разведеніи ржи и вмѣстѣ съ тѣмъ на недостатокъ чернаго хлѣба. Вино, конечно, можно достать, но по четверной цѣнѣ С.-Петербургa; можно достать и англійскій портеръ и эль, но по 10 шиллинговъ за бутылку! Здѣсь дѣлаютъ очень плохое вино, крѣпкое и кислое.

Въ Ташкентѣ есть и клубъ, скучный и неклубный, какъ всѣ русскіе клубы. Тамъ можно ежедневно получить плохой обѣдъ; люди собираются въ клубъ немножко почитать газеты, а главное поиграть въ карты и на билліардѣ; зимою тамъ бывають общественныя собранія, танцы и концерты. Теперь къ клубу присоединена отличная библіотека въ 4,000 томовъ, собранныхъ первоначально въ канцеляріи генераль-губернатора, и съ тѣхъ поръ постоянно расширяется подарками отъ другихъ лицъ: тамъ можно найти классическія сочиненія русской, французской и нѣмецкой литературы, и чрезвычайно хорошую коллекцію книгъ и статей, касающихся центральной Азіи. Между другими учрежденіями въ городѣ достойна серьезнаго вниманія химическая лабораторія, которая устроена очень хорошо и снабжена всѣмъ, что необходимо для такого учрежденія. Въ Ташкентѣ издается еженедѣльная газета, изданіе которой обходится въ 20,000 руб. въ годъ, а подписчиковъ у нея было въ 1873 году не болѣе 300. Въ этой газетѣ можно найти иногда интересныя статьи о разныхъ событіяхъ въ Туркестанѣ; въ ней же помѣщаются извѣстія о важнѣйшихъ событіяхъ въ Европѣ и Россіи.

Что касается до офиціального міра, въ Ташкентѣ подражаютъ въ своихъ внѣшнихъ пріемахъ восточнымъ владѣтелямъ, которыми здѣсь окружены. Генераль-губернаторъ никогда не выѣзжаетъ одинъ, безъ конвоя изъ казаковъ, и даже женѣ его и дѣтямъ давали казацкій конвой. Скайлеру рассказывали, что послѣ замѣчанія одного недавно прибывшаго въ Ташкентъ офицера, который, увидя жену губернатора, окруженную казаками, наивно

спросилъ: «неужели эта дама находится подъ арестомъ?» — жена губернатора стала ѣздить, какъ и всѣ.

Кромѣ генераль-губернатора, есть военные губернаторы и вице-губернаторы, генеральный штабъ и другія крупныя офіціальныя лица, такъ какъ Ташкентъ есть центръ здѣшней администраціи съ ея разными департаментами и министерствами. Жены и семейства старѣйшихъ въ офіціальной іерархіи воображаютъ себя *верхушками* общества и ставятъ себя гораздо выше другихъ дамъ. Большинство офицеровъ привезли своихъ женъ изъ Россіи. Общество здѣсь дѣлится на кляки и котеріи, хотя всѣ эти офіціальные люди и дамы, за исключеніемъ высшихъ офіціальныхъ лицъ, наѣхали въ Ташкентъ изъ С.-Петербурга; очень многіе скрылись сюда, убѣгая отъ своихъ кредиторовъ, другіе были удалены изъ службы, иные ищутъ здѣсь повышенія жалованья или тепленькаго мѣстечка, а многіе поѣхали въ Ташкентъ, увлекаясь полученіемъ въ короткій срокъ хорошей пенсіи, или просто надѣялись составить себѣ хорошій капиталецъ. Поэтому и здѣсь живутъ по-петербургски. Люди встрѣчаются на вечерахъ и театральныхъ любительскихъ представленіяхъ, въ клубѣ или во дворцѣ генераль-губернатора, но каждый кружокъ держится въ сторонѣ отъ другихъ, и такимъ образомъ настоящей общественной жизни тутъ быть не можетъ. Эти нелѣпыя раздѣленія въ такомъ небольшомъ обществѣ, и тотъ фактъ, что Ташкентъ представляется всѣмъ лишь временнымъ мѣстомъ ссылки, дѣйствуютъ очень дурно на юныхъ офицеровъ и на служащихъ въ гражданской службѣ. Удовольствій здѣсь мало, обществу скучно, и оно разрознено; ученія и литературныя стремленія или придавлены, или не поощряются; юные офицеры не находятъ никакихъ другихъ занятій, кромѣ картежной игры и вина, и многіе изъ нихъ довели себя до того, что ихъ изгнали даже изъ Ташкента; иные прибѣгали къ самоубійству. Въ самомъ началѣ Ташкентъ былъ дѣйствительно тѣмъ, какимъ онъ описанъ въ разсказахъ г. Каразина, который самъ служилъ офицеромъ въ центральной Азіи. Въ настоящее время есть нѣкоторое улучшеніе: открытый развратъ, кутежи поубавились, но тотъ же общій тонъ преобладаетъ; общественное мнѣніе молчитъ или выражается слишкомъ слабо, и многіе позволяютъ себѣ такія вольности въ своемъ поведеніи, какія въ порядочномъ обществѣ невообразимы. Г-на Скайлера сильно поражало русское общество въ Ташкентѣ не только недостаткомъ знанія о странѣ, но и полнымъ равнодушіемъ къ естественнымъ интересамъ жизни; многимъ трудно было понять, какимъ образомъ онъ могъ заинтересоваться такою страной,

въ которой они только скучаютъ, и какъ онъ могъ отправиться такъ далеко для того только, чтобы осмотрѣть подобную страну. «Правда, были и исключенія, но я говорю о моемъ общемъ впечатлѣніи,—заключаетъ г. Скайлеръ. Число русскихъ, знающихъ турецкій или персидскій языкъ, или сколько-нибудь интересующихся изученіемъ исторіи, древностей или естественныхъ произведеній страны или жизни людей, ихъ окружающихъ, до того мало, что просто не вѣришь самому себѣ...»

Между тѣмъ, центральная Азія представляетъ великій интересъ, хотя бы только въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ.

VI.

Главный центръ торговли въ центральной Азіи, въ которомъ сосредоточивается вся иностранная торговля—это городъ Бухара. Тамъ можно найти и русскіе, и англійскіе товары, хлопчатобумажныя и каленкоровыя произведенія,—тамъ есть и французскіе и нѣмецкіе товары. Англійская торговля называется кабульскою по той причинѣ, что она производится черезъ Афганистанъ. Англійскіе товары идутъ въ Бухару подъ покровительствомъ греческихъ фирмъ Ралли и Шиллизза и нѣкоторыхъ торговыхъ домовъ въ Калькутѣ. Между разными предметами, г. Скайлеръ нашелъ тамъ американскіе револьверы, которые въ Бухарѣ приобрѣтаются дешевле, чѣмъ въ Ташкентѣ. Русскій сахаръ также продается дешевле, чѣмъ въ Ташкентѣ. Между разными людьми, которыхъ нашелъ онъ на ярмаркѣ въ Бухарѣ, онъ увидѣлъ только одного русскаго, агента фирмы братьевъ Быковыхъ, Шмелева, который живетъ тамъ въ двухъ комнаткахъ и торгуетъ хлопчатобумажнымъ товаромъ, но, главнымъ образомъ, мелкими и модными вещами. Изъ его объясненій оказалось, что большинство русской торговли находится въ рукахъ татаръ. Торговецъ съ небольшими средствами имѣетъ въ Бухарѣ много преимуществъ въ сравненіи съ крупными, если онъ живетъ тамъ, продаетъ лишь такія европейскія вещи, на которыя тамъ есть запросъ, и если онъ самъ занимается своимъ дѣломъ. Такой мелкій торговецъ можетъ продать свой товаръ почти немедленно, собрать свои долги съ-разу и оборотить свой капиталъ по-крайней-мѣрѣ три раза въ годъ, дѣлая каждый разъ по 50 процентовъ барыша. Въ самой Бухарѣ, агентъ, постоянно пребывающій, можетъ собирать свои долги безъ всякихъ затрудненій. Но другое бываетъ съ русскими купцами,

если они торгуютъ въ Оренбургѣ, Троицкѣ, Петропавловскѣ, гдѣ они продаютъ на большой кредитъ купцамъ, прїѣзжающимъ туда изъ Бухары, и теряютъ свои деньги, отдавая товары въ долги. Къ несчастію русскихъ купцовъ, мелкіе русскіе торговцы, по русскимъ законамъ, лишены права вести свои торговныя операціи въ городахъ центральной Азіи, такъ какъ въ Россіи позволяется торговать съ иностранцами только купцамъ первой гильдіи, ходящимъ по улицамъ въ туземномъ одѣяніи. Но мелкій купецъ не можетъ угоняться за большимъ, и ему очень трудно заплатить 250 рублей за одно только позволеніе открыть лавку. Съ мелкаго купца берутъ въ Туркестанѣ по $2\frac{1}{2}$ процента за привозные товары, да еще другой налогъ въ 3 процента съ хлопчатобумажныхъ произведеній.

Генераль-губернаторъ фонъ-Кауфманъ хотѣлъ сдѣлать Ташкентъ торговымъ центромъ, но сильно ошибся въ этомъ. Ташкентъ остался административнымъ городомъ, политическимъ: въ немъ нѣтъ ни промышленности, ни земледѣлія, ни торговли; онъ лежитъ на дорогѣ отъ Кокана къ Оренбургу и Троицку — вотъ и все. Ташкентъ занимается только транзитною торговлею, и то потому только, что коканскіе купцы, вынужденные ѣздить въ Ташкентъ для своихъ дѣлъ, тащутъ туда же и свои товары. Но если бы столицу Туркестана перенести въ другое, дѣйствительно торговое мѣсто, тогда, можетъ-быть, и явилась бы ярмарка не фиктивная, а дѣйствительная. Коканъ несетъ въ Ташкентъ всего больше—на 4.092,291 руб., но всѣ эти товары не остаются въ Ташкентѣ, а уходятъ въ Россію. Въ отпечатанныхъ «Матеріалахъ для статистики азіатской торговли», г. Скайлеръ нашелъ, что ввозъ въ провинцію Сыръ-Дарьи со всѣхъ сторонъ достигалъ въ 1872 году до 13.400,000 рублей, а вывозъ до 9.185,000,—общая сумма 22.585,000. Изъ этихъ итоговъ нужно, однако, вычесть по-крайней-мѣрѣ 10.000,000 для торговли съ киргизскою степью, а весь остатокъ въ 12,585,000 будетъ означать дѣйствительную цифру торговли ханствъ. Если мы возьмемъ самую высшую цифру обоихъ путей: ввоза и вывоза, то мы получимъ общую сумму нашей нынѣшней торговли съ центральною Азіею въ 15.000,000 рублей. Если мы эту сумму сравнимъ съ таможенною 1867 года, то увидимъ, что вывозъ и ввозъ Ташкента (считая и Коканъ), Бухары и Хивы доходятъ до 10.175,000 и 8.504,000; общая сумма будетъ — 19.370,000 р. Отсюда ясно, что общая русская торговля съ 1867—1872 годъ уменьшилась на 5.000,000 рублей....

Въ дальнѣйшія подробности мы не пойдемъ: цифры сами

говорятъ. Многіе русскіе купцы, и въ числѣ ихъ Хлудовъ и Перушинъ, разорились или значительно потерпѣли. Не терпѣли только ташкентскіе администраторы, потому что если они сдѣлаютъ какое-нибудь невыгодное предпріятіе, торговое ли, или политическое—это имъ все равно. Такъ, напримѣръ, была устроена разъ въ Ташкентѣ ярмарка съ удивительною стремительностью; для этой цѣли не пожалѣли даже солдатъ. Но эта ярмарка была устроена не потому, что ее желали купцы, участвовавшіе въ комиссіи, которую собралъ генераль-губернаторъ для обсужденія вопроса о необходимости ярмарки въ Ташкентѣ. Сторона администраціи была составлена вся изъ военныхъ людей, которые выразили свое мнѣніе въ слѣдующихъ предложеніяхъ: «обмѣнъ мануфактурными произведеніями изъ внутреннихъ провинцій имперіи сырого матеріала (хлопокъ и шелкъ) азіатскихъ странъ происходилъ до-сихъ-поръ, главнымъ образомъ, на двухъ ярмаркахъ: въ Ирбитѣ и въ Нижнемъ-Новгородѣ. Тѣсныя сношенія между потребителями и производителями и послѣдовательная устойчивость цѣны и коммерческихъ сношеній будутъ несомнѣнно много облегчены перенесеніемъ центра обмѣна ближе къ рынкамъ центральной Азіи». Въ первомъ же собраніи купцы заявили, что «ирбитская ярмарка, по своей отдаленности и слабому вліянію на центральную Азію, всегда была предметомъ ихъ жалобъ, но ярмарка въ Нижнемъ-Новгородѣ имѣетъ такое великое вліяніе, что было бы бесполезно основывать новую въ Ташкентѣ, такъ какъ ташкентскія цѣны неизбѣжно будутъ управляемы въ Нижнемъ». Ясное дѣло, что купцы понимали, что говорили, и ясно также, что военные члены комиссіи, не обращая никакого вниманія на экономическія сужденія, рѣшали все по-своему. Ярмарку устроили въ концѣ 1873 года, какъ-разъ послѣ хивинскаго похода, и она обошлась въ 377,247 рублей. Что же изъ этого вышло? Когда ярмарку открыли, изъ туземцевъ никто на нее не пріѣхалъ, да и русскіе купцы явились нехотя. Туземцамъ обѣщали даровыя мѣста, если они согласятся изъ своего рынка переѣхать въ русскій, но они, разумѣется, и съ мѣста не сдвинулись. Тогда самъ генераль-губернаторъ издалъ приказъ, что въ продолженіи всей ярмарки, — двухъ мѣсяцевъ въ году, — всѣ туземные купцы, за исключеніемъ тѣхъ, которые торгуютъ провизіею, должны закрыть свои лавки на старомъ базарѣ и перенести свою торговлю въ лавки ярмарочнаго зданія. Большая часть отказалась совсѣмъ торговать, а другіе рѣшились создать тайную торговлю и разносили свои товары по домамъ. Сперва генераль-губернаторъ приступилъ къ штрафамъ,

но и это неудалось: штрафные разбѣжались; тогда явились казаки, но эта мѣра собрала уже всѣхъ купцовъ, и они просили губернатора оставить туземцевъ въ покоѣ. Базаръ этотъ остается пустымъ и донинѣ.

Самая главная дорога къ Бухарѣ идетъ въ Россію черезъ Казале и Оренбургъ; всѣ караваны такъ идутъ. Коканская торговля имѣетъ изъ Ташкента двѣ дороги: одна, прямо по горамъ черезъ Телау, въ 170 верстъ, на что требуется 5—6 дней, а другая,—по которой ѣздить въ телѣгахъ, по пути изъ Ходжента, въ 250 верстъ, 8—10 дней... Прежде почти всѣ караваны ѣхали изъ Ташкента въ Петропавловскъ и Троицкъ; теперь уже они избираютъ почтовую дорогу и идутъ по ней прямо до Оренбурга—1,300 верстъ въ 60 дней. Всѣ находятъ, что эта дорога и ближе, и дешевле дороги черезъ Ташкентъ.

Дорога изъ Бухары чрезъ торговый бухарскій городъ Карши въ Баякъ, пограничный пунктъ съ Афганистаномъ, опредѣляется въ 100 англ. миль, и требуетъ 73 дня. Въ Кабуль отъ Баяка 350 миль больше и еще 13 дней. Если караваны пойдутъ въ Кабуль, минуя Баякъ, черезъ Кулумъ, то путешествіе сократится на 20 дней. Отъ Кабула до Пемэуоръ, въ Остъ-Индіи, караваны идутъ въ 12 дней. Весь путь отъ Бухары до Остъ-Индіи 45 дней; для каравана плата за этотъ путь на русскія деньги 34 р. 49 к., а на англійскія: 4 ф. 14 ш. 7 п., не считая таможенныхъ и транзитныхъ пошлинъ, а также большихъ требованій эмира кабульскаго. За путь отъ Москвы до Бухары цѣна та же.

Перейдемъ къ промышленности, въ основаніи которой лежатъ хлопчатые товары и шелковые. Туземные хлопчатобумажныя ткани, некрашенныя и вообще небѣленныя, спеціально потребляются для приготовленія рубашекъ и подштанниковъ. Этотъ хлопокъ для грубой ткани называется *бузъ*, а русскими купцами—матой, потому что мѣра его—мата, а по-англійски мата составляетъ восемь ярдовъ ¹⁾ (по-русски 10,29 арш.). Дака—болѣе тонкій матеріаль, родъ муслина, грубый сортъ котораго употребляется на одежду, а тонкій сортъ на чалмы. Алатча—это полосатый матеріаль на голубомъ фонѣ. Калама—нѣсколько лучшаго качества, съ полосками на бѣломъ фонѣ. Туземцы красятъ хлопчатобумажные товары, иногда въ три различныхъ цвѣта, посредствомъ деревянныхъ штамповъ, налагаемыхъ рукою... Въ 1869 году испытывали, насколько можно хлопковыми запасами въ Средней Азіи удовлетворить потребности арміи, и было рѣшено употребить ту-

¹⁾ Одинъ ярдъ—три фута, 1,286 аршинъ.

земный *бузь*, вмѣсто русскаго бѣлаго хлопковаго сукна, для солдатской одежды. Требовалась ширина въ 14 дюймовъ, между тѣмъ какъ *бузь* никогда не можетъ быть шире 11 дюймовъ. Подрядчики, поэтому, нашли невозможнымъ достать въ Ташкентѣ желаемый матеріалъ, и должны были обратиться въ Бухару, гдѣ хлопчатая промышленность производится въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ результатѣ оказалось, что цѣна *бузы*, специально заказанной для арміи, оказалась столь же высокою, какъ для русскихъ товаровъ изъ Москвы и съ включеніемъ издержекъ на провозъ; сверхъ того, московскій хлопокъ былъ тяжелѣе туркестанскаго и долѣе носился.

Лучшіе шелковые товары получаютъ изъ Бухары, затѣмъ изъ Кокана и Ходжента, а также изъ Хивы; всѣхъ хуже изъ Ташкента. Вслѣдствіе запрещенія кораномъ, употребленіе чистаго шелковаго фабриката ограничено исключительно женщинами и дѣтьми; для мужчинъ шелкъ можетъ потребляться лишь въ смѣси. Ежегодное производство шелка въ Средней-Азіи оцѣнивается, при тщательныхъ вычисленіяхъ, до 4,500,000 ф., изъ которыхъ 1½ милл. идетъ изъ Бухары, столько же изъ Кокана; 100,000 ф. изъ Хивы, 4000 изъ Кашгара, и цѣлый миллионъ изъ русскихъ владѣній Туркестана. Климатъ центральной Азіи въ высшей степени благопріятенъ шелковому производству. Тамъ въ продолженіи лѣта почти нѣтъ ни дождя, ни града; грозовыя бури и сильныя вѣтры—явленія рѣдкія; всѣ эти причины дѣлаютъ возможнымъ работу безъ всякаго искусственнаго тепла и вентиляціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ существуетъ изобиліе неизбѣжной пищи для червя—тутовое дерево. Причины, которыя ограничиваютъ количество и качество производства шелка, заключаются въ методахъ въ выводѣ червей и въ образѣ жизни мѣстныхъ жителей. Все производство шелковичнаго червя находится въ рукахъ женскаго труда: и уходъ за червемъ, и уходъ за тутовымъ деревомъ. Успѣшное шелководство больше всего зависитъ отъ ухода за червями; оно требуетъ со стороны женщинъ большаго вниманія, можно сказать, тутъ нужна нѣжность любви: воспитаніе червя, по своей сущности, занятіе домашнее, и чѣмъ мельче червь, тѣмъ заботливѣе долженъ быть за нимъ уходъ... Но тутъ и прекращается дѣйствительность женскаго труда. Когда приходитъ время наматывать шелкъ, на сцену является механическій трудъ, требующій, главнымъ образомъ, хорошаго порядка и дисциплины среди рабочихъ. Русскіе купцы, если бы они серьезно хотѣли завести въ Туркестанѣ шелковое производство, должны были бы прежде всего научить туземцевъ луч-

шимъ методамъ и потомъ создать среди нихъ спросъ на лучшіе сорта коконовъ. Увеличенный спросъ на лучшіе шелка увеличить и предложенье. Между тѣмъ, всѣ усилія, которыя употребляли русскіе купцы въ Туркестанѣ въ продолженіи пяти лѣтъ, съ 1867—72, кончились тѣмъ, что изъ семи предпріятій удалось только одно, несмотря на то, что имъ помогало деньгами само правительство. Они не имѣли успѣха въ соревнованіи съ туземцами. Когда г. Скайлеръ былъ въ Туркестанѣ въ 1873, тогда была еще одна филатура въ Ходжентѣ, принадлежавшая компаніи московскихъ купцовъ. Она была основана на 200,000 руб., и ея успѣху ревностно содѣйствовалъ самъ генераль-губернаторъ Кауфманъ. Но ею управляли неспособные люди, и ихъ дѣла находились въ большомъ пренебреженіи, вслѣдствіе отдаленности самихъ владѣльцевъ: они жили въ Россіи. Позже, въ ноябрѣ 1875 года, г. Скайлеръ видѣлъ въ газетахъ объявленіе о ликвидаціи этой фабрики съ потерей четырехъ-пятыхъ основного капитала. Одну изъ причинъ этой неудачи г. Скайлеръ находитъ въ томъ, что самъ управитель не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о шелковомъ дѣлѣ, а, во-вторыхъ, была дана очень большая цѣна за коконы.

Туземцы центральной Азіи обладаютъ живымъ коммерческимъ инстинктомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ не отличаются большою опытностью въ торговлѣ коконами. Слабѣйшій добавочный запросъ на рынкѣ, появленіе новой торговли или какихъ-нибудь новыхъ предметовъ въ продажѣ, — все ихъ такъ сильно поражаетъ, что они вдругъ начинаютъ поднимать цѣны до нелѣпыхъ размѣровъ. Въ 1869 году, въ продажѣ поднялась цѣна на таннинъ, и таннинный корень достигъ громадной цѣны. Требованіе этого товара распространилось на базарахъ; крестьяне, жившіе въ Бритчъ-мулла и въ сосѣднихъ деревняхъ, гдѣ таннинъ росъ, слыша о высокихъ цѣнахъ, какъ бѣшеные, бросили свои поля и стали вырывать искомый корень; продавали свой скотъ, чтобы купить лошадей и ословъ, и помчались на нихъ въ Ташкентъ, съ цѣлью обогатѣть отъ огромной массы вырытаго ими корня. Пріѣхавъ въ Ташкентъ, они узнали тамъ, что таннинъ прежде дѣйствительно покупали, но теперь болѣе не нужно. Такимъ образомъ, бѣдные люди должны были продать свой таннинъ за самую дешевую цѣну, нѣкоторые изъ нихъ погибли зимою съ голоду. Та же самая исторія происходила въ другой разъ, когда пріѣхали какіе-то итальянцы и стали скупать яйца шелковичныхъ червей. Коконы тогда поднимались до 30—50 руб. за пудъ; но изъ Россіи весною 1871 года присланъ былъ указъ, чтобы не продавать иностранцамъ яйца шелковичныхъ червей. Въ томъ же году таш-

кентское правительство открыло школу для изученія шелководства съ химическою лабораторіею, и поставило въ программу этой школы: изслѣдованіе разныхъ породъ шелковичныхъ червей, причинъ ихъ болѣзней; опыты надъ пищею шелковичныхъ червей и раціональные методы для вывода червей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что изученіе шелководства съ научной точки зрѣнія — дѣло полезное; но еще бы лучше было, еслибъ при научной школѣ была устроена хотя бы небольшая филатура, которая бы могла создать изъ туземныхъ рабочихъ людей мастеровъ шелковаго дѣла, и затѣмъ эти мастера устроили бы и фабрику на настоящихъ научныхъ и вмѣстѣ практическихъ началахъ.

VII.

Центральная Азія всегда представлялась какимъ-то золотымъ дномъ; о ней говорили, какъ о необыкновенно богатой странѣ. Въ 1867 году былъ представленъ докладъ, въ которомъ было сказано, что военная администрація въ новой провинціи, со всѣми ея мѣстными военными управленіями, окупится на мѣстѣ, и что государственная казна отъ этого ничего не потеряетъ, такъ какъ всѣ издержки могутъ быть покрыты деньгами, находящимися уже въ распоряженіи министра военныхъ дѣлъ, и что, кромѣ того, состоится сбереженіе въ администраціяхъ военныхъ округовъ Оренбурга и Западной Сибири, отъ территории которой отнималась тогда цѣлая провинція — Семирѣчье. Говорили тоже, что военно-гражданская администрація, хотя и будетъ составлять предметъ новыхъ расходовъ въ значительныхъ размѣрахъ, но особеннаго вліянія на государственный бюджетъ не окажетъ, такъ какъ всѣ издержки будутъ покрыты самой провинціею. Но уже въ 1868 году дефицитъ оказался въ 3.188,024 руб., а черезъ пять лѣтъ — въ 1872 году — дефицитъ дошелъ до 18.908,955 руб.: издержки были 29.497,414 руб., — доходъ только 10.588,459 руб. Въ 1872 году дефицитъ достигъ 5.567,000, а въ 1873 году — 7.000,000.

Приложимъ къ этимъ издержкамъ издержки на войну. Первоначальныя издержки дѣйствительно были очень ничтожны. При первомъ движеніи въ центральную Азію генераль Черняевъ получилъ на свои расходы 15,000 рублей, а генераль Веревкинъ 200,000 рублей, къ которымъ было потомъ прибавлено еще 50,000, но употреблено только 234,000, — остальные 16,000

были переданы ген. Черняеву. Кампанія генерала Романовскаго въ 1866 году оцѣнена въ 250,000 руб. Экспедиція, овладѣвшая Самаркандомъ, стоила 150,000, а вся территорія, которая была приобрѣтена до 1873 года, обошлась въ 900,000; но изъ этой суммы бухарскій ханъ заплатилъ 500,000 рублей контрибуціи на военныя издержки. Захватъ Шарисабса и Карши, а также Кульджи, стоилъ не дорого.

Но за то послѣднія экспедиціи обошлись не такъ дешево. Когда хивинская экспедиція обсуждалась въ Петербургѣ, генераль Кауфманъ, обращаясь къ министру финансовъ, просилъ у него 300,000 рублей, но въ дѣйствительности, въ Ташкентѣ, эта сумма была истрачена прежде, чѣмъ войска покинули Ташкентъ. Единственная цифра, которая была обнародована по этому обстоятельству, это — издержки на провіантъ и перевозъ оренбургскаго отряда; сумма ихъ достигаетъ 1.423,735 рублей. Если эту цифру принять за истинную, то, сосчитавъ по одной и той же цѣнѣ расходы арміи Кауфмана и кавказской арміи, вся стоимость хивинской войны окажется въ 7.000,000 рублей.

Коканское возстаніе 1875 года продолжалось шесть мѣсяцевъ, — сколько оно стоило, объ этомъ знаютъ туркестанскія власти.

Вообще говоря, статистика расходовъ ведется въ Ташкентѣ по старому, какъ это было въ 1868 году, когда явилась первая попытка образовать общій статистическій комитетъ для центральной Азіи. Но онъ не состоялся по полному невѣдѣнію членовъ мѣстной администраціи, которые, поѣтому, ничего не могли сообщить. Въ 1869 году, по приказу главнокомандующаго, статистическіе комитеты были основаны въ различныхъ округахъ. Въ сыръ-дарьинскомъ округѣ, въ 1870 году, собрался первый комитетъ и обратился къ офиціальнымъ лицамъ мѣстной администраціи съ циркуляромъ, въ которомъ были поставлены вопросы о статистикѣ мѣстностей, которыми они управляли; но эти вопросы, касавшіеся подробностей, произвели въ коммисіи веселое настроеніе. Статистическое сообщеніе отъ уѣздныхъ начальниковъ провинціи Семирѣчье содержало, между прочими извѣстіями, такія: «климата — нѣтъ; производительныя силы — неизвѣстны». Такія показанія были даваемы всего семь лѣтъ тому назадъ.

Судя по расходамъ, завоеваніе Туркестана является дѣломъ чрезвычайно невыгоднымъ; оно не только не приноситъ никакихъ доходовъ государству, но мѣшаетъ развиваться даже сосѣднимъ губерніямъ Россіи: оренбургской и западной Сибири. Постоянное увеличеніе войскъ въ Туркестанѣ отзывается и на

нихъ, а этихъ войскъ до 30—40 тысячъ. Между тѣмъ содержаніе солдата въ Туркестанѣ стоитъ очень дорого: 32¹/₂ рубля на человѣка, и въ эту сумму входитъ только мука и крупа, — четверть стоитъ 10—12 рублей. Содержаніе кавалеріи еще дороже. Число лошадей, принадлежащихъ правительству, доходитъ до 4—5 тысячъ, и цѣлый миллионъ рублей тратится на фуражъ; каждая лошадь, такимъ образомъ, обходится въ 200 рублей, и это дѣлается въ такой странѣ, о которой намъ постоянно говорили, что жатва тамъ бываетъ иногда самъ-80 и 100 — и притомъ два раза въ году — а клеверъ и сѣно можно косить четыре раза въ годъ. Въ центрально-азиатскихъ степяхъ главное занятіе жителей — скотоводство, и, несмотря на то, правительство платитъ не менѣе 2 руб. 40 коп. за пудъ мяса и баранины, — цѣна столь высокая, что можно думать, будто въ той странѣ нѣтъ никакого скотоводства... Еще одна странность относительно цѣнъ на провизію: хлѣбъ — дорогъ, потому что подвергается налогу въ 10 процентовъ всего производства съ земли. Само правительство, по этой причинѣ, уплачивало въ казну 276,000 руб., а тратило два миллиона на муку и фуражъ. Предположимъ, что три-четверти этой провизіи произведены въ провинціи Сыръ-Дарьи, слѣдовательно, правительство заплатило 150,000 рублей своего налога, передавая ихъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Остальная сумма въ 126,000 рублей пала на населеніе Сыръ-Дарьи, число котораго 800,000, и, слѣдовательно, оно кормилось на 1.260,000 рублей, между тѣмъ какъ 30-ти тысячная армія обошлась въ 2.000,000 рублей. Ясное дѣло, что тутъ что-то не такъ не только въ комиссаріатѣ, но и во всемъ финансовомъ управленіи. Если даже — какъ этого хотятъ туркестанскія власти и какъ это и дѣлается въ дѣйствительности — всѣ издержки по арміи и флоту идутъ на счетъ государственной казны, то хотя и нѣтъ никакого сомнѣнія, что государство дѣйствительно можетъ взять на себя такіа издержки, но все же это не должно дѣлаться совершенно безконтрольно, и не должна содержаться цѣлая армія въ 40,000 только для того, чтобы охранять границы; это значило бы, что все назначеніе этой арміи состоитъ только въ томъ, чтобы укрощать и повелѣвать населеніемъ всего Туркестана.

Но въ дѣйствительности, когда это дѣло предпринималось, люди, стоявшіе во главѣ его, имѣли совершенно другія цѣли: они стремились не къ укрощенію только, но и къ просвѣщенію того населенія, которое покорялось само русской власти, ища безопасности и свободы отъ прежнихъ деспотовъ.

Указывая на главныя причины, разстраивающія всѣ источ-

ники нашего нравственного вліянія въ центральной Азіи, г. Скайлеръ разсматриваетъ подробно вопросъ о нынѣшней организаціи туркестанскаго управленія. Общая администрація страны не имѣетъ единообразія и не показываетъ ни въ чемъ присутствія установленнаго принципа объединенной силы. Разнообразіе взглядовъ и поведенія чувствуется на всѣхъ ступеняхъ служебной лѣстницы и поддерживаетъ постоянный антагонизмъ между различными органами правительства, что возбуждаетъ партіи и дѣлаетъ прочную политику невозможною. Каждая партія составляетъ центръ группы лицъ, гоняющихся за мѣстомъ и прибылью. Подобное состояніе вещей разслабляетъ мораль и, благодаря этому, наши гражданскіе и военные чиновники постоянно заняты, но не исполненіемъ своего долга, а проведеніемъ интригъ, для которыхъ наша административная система въ Туркестанѣ представляетъ огромное поле. Каждый думаетъ только о быстрой карьерѣ, о занятіи важнаго поста и достиженіи высокаго ранга, и никто не даетъ себѣ труда принять въ расчетъ обязанности, наложенныя на него тѣмъ фактомъ, что онъ русскій и преслѣдуетъ цивилизующую миссію въ Средней Азіи. Благодаря самому положенію нашей администраціи, наши чиновники присвоиваютъ себѣ право объяснять свои обязанности, какъ имъ самимъ хочется. Въ Ташкентѣ, центрѣ администраціи, нѣтъ общественной жизни, тамъ даже нѣтъ общества, тамъ ничто не соединяетъ людей, которые вполнѣ поглощены своими собственными интересами. Главное зло состоитъ въ смѣшеніи военныхъ и административныхъ властей и въ полномъ отсутствіи всякаго различія между ними. Высшая военная и гражданская власть сконцентрировывается въ лицѣ генераль-губернатора, который въ то же самое время и главнокомандующій войскъ всего района; но въ низшихъ инстанціяхъ она раздѣлена между начальникомъ канцеляріи генераль-губернатора и начальникомъ штаба. Согласно съ закономъ, дѣйствія перваго должны ограничиться чисто-административными дѣлами, но въ дѣйствительности онъ пользуется всѣми прерогативами начальника штаба спеціально во всемъ, что касается мѣстной администраціи страны. Офицеры, которые управляютъ страною, зависятъ гораздо болѣе отъ начальника канцеляріи генераль-губернатора, чѣмъ отъ начальника штаба. Въ провинціяхъ двѣ власти, опять соединенныя въ лицахъ военныхъ губернаторовъ, которые въ то же самое время начальники войскъ въ ихъ провинціяхъ. Они соединяютъ двѣ различныя власти, отдѣленныя въ предшествовавшихъ инстанціяхъ, интересы которыхъ, благодаря существующему режиму, постоянно сталкиваются и иногда

становятся непріязненными. Въ округахъ военно-административныхъ власть дальше дѣлится между администраторами округовъ и начальниками войскъ, тамъ расквартированныхъ. Эти послѣдніе находятся иногда въ большомъ затрудненіи, не зная къ кому обратиться, къ военнымъ ли начальникамъ, отъ которыхъ они прямо зависятъ, или къ представителямъ административной власти, которая пользуется значительнымъ вліяніемъ, и въ этихъ случаяхъ они предпочитаютъ повиноваться тому, кто въ данный моментъ имѣетъ болѣе вѣсъ.

Армія, представительница нашихъ силъ, и администрація, выразительница цивилизующаго порядка, который мы ввели въ страны, завоеванныя нашимъ оружіемъ, образуютъ собою два различныхъ элемента, которые не могутъ сливаться, не задержавъ прогресса дѣла, преслѣдуемаго нами въ центральной Азіи. Начальникъ войскъ долженъ быть отдѣленъ отъ администраціи страны, пользуясь въ своей сферѣ дѣятельности полною независимостью, такъ какъ чисто-военная администрація тоже необходима. Созданіе же смѣшанной администраціи, — военной и гражданской, — что мы ввели въ центральную Азію — представляетъ только накопленіе военныхъ и административныхъ должностей. Чтобы результаты нашего завоеванія могли упрочиться, административный элементъ долженъ быть удаленъ отъ вмѣшательства въ военные дѣла. Обѣ власти должны дѣйствовать отдѣльно, должно быть полное отдѣленіе между гражданской и военною администраціями, или, наоборотъ, гражданская администрація должна быть совершенно замѣщена военнымъ элементомъ. Такъ какъ мы чувствуемъ сами себя слишкомъ слабыми, чтобы управлять безъ помощи военной силы, то мы должны, поэтому, уступить чисто-военной организаціи. Въ настоящее время, единственною опорою нашей политической роли можетъ служить только охраненіе силою оружія, и только эта роль оказываетъ престижъ на туземное населеніе при испорченности нашей администраціи въ Туркестанѣ. До тѣхъ поръ, пока эта администрація существуетъ, мы не можемъ ожидать отъ туземцевъ какого-нибудь уваженія, и наша армія должна дѣлать неслыханныя усилія, чтобы возстановить почву, которую потеряла администрація. Полномочія, которыми пользовались люди, называвшіеся администраторами, въ разныхъ мѣстностяхъ, ободряли ихъ къ злоупотребленію произвольнымъ авторитетомъ, безъ всякаго вниманія къ дѣйствительному положенію вещей или справедливымъ интересамъ нашего положенія въ Туркестанѣ. Многіе присвоиваютъ тамъ себѣ политическія роли, и сильные своею протекціею, позволяютъ себѣ

иногда угрозы, которыя они неспособны осуществить посредствомъ оружія, и все это сопровождается самыми тяжкими послѣдствіями для невинныхъ людей. Подобныя дѣла могутъ насъ только унижать въ глазахъ туземцовъ. Таковы выводы г. Скайлера, посторонняго и безпристрастнаго наблюдателя, изъ всего, что онъ видѣлъ въ Туркестанѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Дѣйствительно, пока многое не перемѣнится въ общихъ принципахъ нашего колоніальнаго управленія, всѣ наши административныя усилія въ центральной Азіи останутся безплодными, и ожидаемая торговля не вознаградитъ даже издержекъ, дѣлаемыхъ на поддержаніе этой торговли. Открывая нашу цивилизаторскую миссію на Востоке, мы не могли не сознавать, что на избранномъ нами пути мы не выдержимъ конкуренціи Европы. Въ сравненіи съ Азіею, Россія всегда будетъ, конечно, цивилизованою державою, но она можетъ упрочить свое военное и политическое вліяніе только тогда, когда ея администрація избересть для себя новые пути. Всего болѣе затруднительно противоборствовать вліянію, какое оказываетъ тамъ могущественная и первостепенная торговая нація, ресурсы которой далеко выше тѣхъ, какіе существуютъ теперь въ распоряженіи нынѣшней нашей администраціи для успѣховъ своего призванія въ центральной Азіи.

Юр. Россель.
